

ГАВРИЛА РОМАНОВИЧЪ ДЕРЖАВИНЪ.

ЧИТАЛАГАЙСКІЯ ОДЫ.

ImWerdenVerlag
München — Москва
2009

© <http://imwerden.de> — некоммерческое электронное издание, 2009.

Подготовка текста: Александр Лозицкий

Текст печатается по изданию:

Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Том 3. 1866. Стр. 293-354.

Примѣчаніе.

Черезъ нѣсколько времени послѣ Пугачевского бунта издана была маленькая книжка (8 д. л.) въ 38 страницъ, подѣ заглавіемъ: *Оды, переведенныя и сочиненныя при горѣ Читалагаѣ*¹ 1774 г. На заглавномъ листѣ ея не означено ни имени автора, ни когда и гдѣ она напечатана. По свидѣтельству Сопикова и Остолопова, это было въ 1777 году²; тотъ же годъ указываетъ и самъ Державинъ подѣ одою *Вельможа*; Дмитріевъ говоритъ, что книжка вышла около 1776 г. изъ типографіи академіи наукъ³. Но изъ тогдашнихъ *С-петербургскихъ Вѣдомостей* оказывается, что Читалагайскія оды выпущены были въ продажу въ началѣ 1776 года. Въ Прибавленіяхъ къ № 12, 13, 14 (февраля 9, 12 и 16-го) объявлено, что онѣ продаются въ академической книжной лавкѣ, въ переплетѣ по 20 к., и безъ переплета по 15 коп.

Въ 1774 году Державинъ, бывшій тогда подпоручикомъ преображенскаго полка, командированъ былъ на Волгу для принятія мѣръ къ поимкѣ Пугачева; но въ журналѣ, веденномъ имъ въ это время и включенномъ впослѣдствіи въ его *Записки*, ничего не упомянуто ни объ его литературныхъ занятіяхъ въ ту эпоху, ни о горѣ Читалагаѣ. Въ диктованныхъ же имъ *Объясненіяхъ* на его стихотворенія, про оду *На смерть Бибикова* сказано, что она написана «въ саратовской губерніи при горѣ Читалагаѣ въ колоніи Шафгаузенъ», о которой не разъ говорится въ журналѣ Державина (*Зап. его, Рус. Вес.* стр. 67, 69, 72, 73, 86, 89, 92).

Шафгаузенъ принадлежитъ къ цѣлому ряду нѣмецкихъ колоній, основанныхъ въ началѣ царствованія Екатерины II на луговой сторонѣ Волги, въ той части волгскаго уѣзда, которая нынѣ отошла къ самарской губерніи: начинаясь въ 52 верстахъ отъ Саратова колоніею Екатеринштатъ, онѣ тянутся верстъ на 50 вверхъ по Волгѣ почти до верховья рѣки Малаго Карамана, гдѣ лежитъ колонія *Шафгаузенъ*, которую Державинъ поэтому и называетъ крайнею (стр. 69).

О горѣ *Читалагаѣ* до сихъ поръ не было никакихъ положительныхъ свѣдѣній. Было даже выражено сомнѣніе въ дѣйствительномъ ея существованіи. Находясь на мѣстахъ лѣтомъ 1862 года, мы имѣли однакожъ возможность удостовѣриться, что

¹ Не *Читалагарѣ*, какъ напечатано въ изданіяхъ Штукинскомъ (1845 г.) и Смирдинскомъ (1847 и 1851).

² *Опытъ рос. библіографіи*, № 3135; Ключъ къ соч. Державина, стр. 13.

³ Москвитянинъ 1842 г., кн. I.: «Державинъ, изъ записокъ Дмитріева».

Державинъ ея не выдумалъ. Верстахъ въ 8-ми отъ колоніи Шафгаузенъ, въ степи, тянется параллельно съ Волгой цѣпь песчаныхъ холмовъ, извѣстныхъ у колонистовъ подъ названіемъ Калмыцкой: горы (Kalmuckenberg), Старой горы или просто *горы*, — возвышенность, съ сѣверной стороны которой стекаетъ въ Волгу рѣчка Вертуба (у Нѣмцевъ Wattbach). Значительнѣйшій изъ этихъ холмовъ находится противъ самой колоніи Шафгаузенъ; на вершинѣ его видны до сихъ поръ слѣды четырехугольнаго шанца или батареи. Здѣсь-то въ Пугачевщину стояла нѣсколько времени часть артиллерійскаго отряда, вытребованнаго Державинымъ изъ Саратова. Этотъ холмъ, названный на одной старинной картѣ тамошняго края *Шитлагаемъ*, и есть *гора Читалагай* нашего поэта. Послѣднее имя почти уже неизвѣстно на мѣстахъ; его помнятъ только немногіе старожилы. Между окрестными Русскими оно слышится иногда въ искаженной формѣ *Чертолагая*⁴.

Часть весны и лѣта, какъ въ 1774, такъ и въ 1775 году, Державинъ жилъ въ колоніяхъ, особенно въ Шафгаузенѣ, и могъ въ это время, въ промежуткахъ между распоряженіями и разъѣздами, находить досугъ для своихъ любимыхъ литературныхъ занятій. Познакомясь въ колоніяхъ съ нѣсколькими образованными Нѣмцами, онъ нашель у нихъ сочиненія короля Фридриха II въ нѣмецкомъ переводѣ и вздумалъ передать нѣкоторыя изъ нихъ по-русски. Неискусный переводъ его отзывается иногда германизмами, по которымъ мы, еще не зная изданія, служившаго ему подлинникомъ, пытались возстановить фразы нѣмецкаго перевода (см. въ *Библиогр. Зап.* 1859, № 16, статью нашу о Читалагайскихъ одахъ).

Впослѣдствіи догадки наши были вполне оправданы книжкою, доставленною намъ г. профессоромъ Н. Н. Буlichemъ. Это былъ ветхій экземпляръ «*Vermischte Gedichte, Berlin, 1760*», — перевода стихотвореній короля-поэта, изданныхъ имъ въ томъ же году подъ заглавіемъ: «*Poésies diverses du philosophe de Sans-Souci*»⁵. Эта книжка, купленная г. Буlichemъ въ Казани на рынкѣ, быть можетъ, тотъ самый экземпляръ, который былъ въ рукахъ Державина: на заглавномъ листѣ написано стариннымъ почеркомъ имя *Карла Вильмсена*, съ которымъ Державинъ, какъ видно изъ его переписки, былъ знакомъ во время Пугачевщины.

Всѣхъ Читалагайскихъ одъ восемь: первыя четыре, въ прозѣ, переведены изъ Фридриха II, остальные — оригинальныя стихотворенія. Мы помѣщаемъ ихъ здѣсь въ томъ же порядкѣ, въ какомъ онѣ находятся въ отдѣльномъ изданіи Державина. Изданіе это сдѣлано съ большою небрежностью: нѣкоторыя изъ опечатокъ искажаютъ даже смыслъ; онѣ исправлены нами по подлиннику. Читалагайскія оды, напечатанныя Державинымъ въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, всегда были очень рѣдки. Здѣшняя публичная бібліотека своимъ экземпляромъ обязана Гельсінгфорскому университету, который самъ получилъ его изъ Россіи съ другими

⁴ По свидѣтельству П. П. Семенова, бывавшаго въ киргизскихъ степяхъ, татарское слово *чи* есть названіе высокой травы, въ родѣ камыша, изъ которой на Востокѣ плетутъ корзины, ширмы, двери и т. п., а *талагай* значитъ верхушка, голова. Это объясненіе весьма правдоподобно, потому что около горы, на болотной почвѣ, въ самомъ дѣлѣ растутъ въ изобиліи такая трава.

⁵ Вотъ почему Остолоповъ (*Ключъ*, стр. 13) говоритъ, что большая часть Читалагайскихъ одъ переведена изъ книги *Безпечный философъ*.

пожертвованіями, сдѣланными въ пользу этого университета послѣ Абоскаго пожара, и уступилъ библиотекѣ по просьбѣ ея начальства въ 1850-хъ годахъ. У Д. В. Полѣнова находится экземпляръ, принадлежавшій самому поэту и отмѣченный своеручными его поправками. Читалагайскія оды не входили въ собраніе сочиненій Державина до 1845 г., когда онѣ въ первый разъ перепечатаны въ изданіи книгопродавца Штукина, по указанію покойнаго Н. А. Полеваго; послѣ того онѣ включены и въ Смирдинское изданіе Державина.

Въ этихъ одахъ, не смотря на все ихъ несовершенство, мы видимъ ступень къ будущему развитію поэта и любопытную страницу изъ перваго періода его літературной жизни. Уже одно то, что молодой офицеръ, посреди всѣхъ тревогъ командировки, чувствуетъ охоту и находитъ досугъ продолжать свои літературныя занятія, есть явленіе очень замѣчательное для того времени. Недостатки и промахи Читалагайскихъ одъ объясняются неблагопріятными для образованія условіями юности Державина; они выставляютъ еще въ болѣе яркомъ свѣтѣ силу и смѣлость, съ какими онъ является послѣ, восторжествовавъ надъ всѣми препятствіями. Но въ тѣхъ Читалагайскихъ одахъ, которыя писаны стихами, замѣтны уже проблески вдохновенія и таланта. Такого мнѣнія о нихъ былъ и современникъ нашего поэта, Дмитріевъ. Узнавъ, что у самого Державина не сохранилось экземпляра Читалагайскихъ одъ, онъ предложилъ ему свои. Державинъ, по словамъ Остолопова, самъ сознавался, что эти оды «писаны весьма нечистымъ и неяснымъ слогомъ»⁶ *, и потому удивлялся, какъ можно придавать цѣну этимъ слабымъ опытамъ незрѣлаго таланта. «Я всегда любилъ эти оды» — замѣтилъ Дмитріевъ: «ты уже и въ нихъ карабкался на Парнасъ⁷ **». Впослѣдствіи Дмитріевъ въ своихъ Запискахъ такъ отозвался о книжкѣ Читалагайскихъ одъ: «Въ стихахъ, помѣщенныхъ въ ней, при нѣкоторыхъ недостаткахъ, уже показывалась замашка врожденнаго таланта и главныя свойства его: благородная смѣлость, строгія правила и рѣзкость въ выраженіяхъ».

⁶ Ключъ, стр. 53.

⁷ Слышано отъ гр. Д. Н. Блудова и князя П. А. Вяземскаго.

ХІІ. ОДЫ, ПЕРЕВЕДЕННЫЯ И СОЧИНЕННЫЯ ПРИ ГОРЬ ЧИТАЛАГАЪ

1774 года.

I. ОДА НА ЛАСКАТЕЛЬСТВО⁸.

1.

Какое священное пореваніе⁹, кое божество меня одушевляетъ и коль сильнѣйшій огонь разжигаетъ мои мысли ? Прииди ко мнѣ, о Муза! да паки тобою приму я лиру и послѣдую твоимъ красотамъ. Поборствуй мнѣ, добльственный Алкидъ, ты, котораго безстрашная бодрость низлагала ужаснѣйшихъ чудовищъ! Въ подобіе тебѣ, яко отмститель вселенной, еще съ опаснѣйшимъ чудовищемъ и я долженствую братися¹⁰.

2.

Вихри, разящіе жестокостію своею корабли о камень; моря, покрытыя въ кораблекрушеніе тысящами дерзновенныхъ мореходцевъ; вѣтры, творящіе тлетворнымъ своимъ дыханіемъ изъ земли опустошенной гнусное позорище Атропы, — не такъ страшны, какъ стрѣлы ласкательства, которыя вредятъ сердца героевъ.

3.

Нравное ласкательство есть чадо собственнаго своего прибытка. Притворство, воспитавшее оное, даровало ему убранство добродѣтелей. Оно, присѣдя непрестанно при подножіяхъ трона, омиамомъ тщеты окружаетъ оный и упоеваетъ имъ мужей и царей великихъ. Личиной учтивости прикрывается пресмыкающаяся подлость лживыхъ его потаканій¹¹.

⁸ Въ «Vermischte Gedichte» заглавіе: «Ode IV. Die Schmeichelei».

⁹ По-нѣмецки «Wuth».

¹⁰ Въ экземплярѣ, принадлежавшемъ Державину, начало этой оды собственною его рукою исправлено такъ: «Какое священное рвеніе, какое божество меня одушевляетъ и какой сильнѣйшій огонь разжигаетъ мои мысли? Прииди ко мнѣ, Муза! дай лиру и да послѣдую я твоимъ прелестямъ.....»

Подобно тебѣ, какъ отмститель вселенной, съ опаснѣйшимъ нежели ты чудовищемъ я сражатися долженствую.

«Вихри, разбивающіе силою своею корабли о камень; моря, въ кораблекрушеніи покрытыя тысящами дерзкихъ мореходцевъ; тлетворные вѣтры, творящіе зараженнымъ своимъ дыханіемъ изъ земли».....

¹¹ ... «die kriechende Niederträchtigkeit ihres falschen Beifalls». Начало же этой строфы читается такъ въ

4.

Тако клубящаяся змія, лежащая сокровенно во злакѣ, приуклоняетъ кичливую главу свою предъ безопаснымъ¹² Африканцемъ. Она ползетъ, дабы напасть, и вредъ желающей угрызть несется подъ сѣннолиствіемъ¹³ и подъ цвѣтами, или такожь неосторожнаго путника, вмѣсто истиннаго свѣта, прельщаютъ огни блудящіе мгновеннымъ своимъ блистаніемъ.

5.

Коварный льстець скрываетъ подъ обманчивою сладостію своихъ безпрестанныхъ хвалъ наивреднѣйшій ядъ. Уста его лживы и обманчивы; языкъ его стрѣла изощренноубивственная, внезапно прилетающая, попадающая и пронзающая, подобно яко лютое пѣніе Сирень съ удовольствіемъ смерть приносить.

6.

Небо! какое преобращеніе дѣлаетъ изъ трости кедръ, изъ тернія розу, изъ скнипа Минотавра¹⁴! Мевій тотчасъ сдѣлался Виргилиемъ, Терситъ явился соперникъ Ахиллесовъ, и все стало одно съ другимъ смѣшанно. Государи! научайтесь познавать ласкательство: оно есть то, котораго обоженія пороки ваши творятъ добродѣтелями.

7.

Часто его низкость благоговѣетъ предъ отвращенія достойнымъ тираномъ и, славословя его мерзости¹⁵; продаетъ за дорогую цѣну свое ему благоуханіе¹⁶. Высоковѣйное счастье¹⁷, измѣна и благополучная дерзость находятъ себѣ почитателей. Ежели бы Картуша украсила корона, или Катилина былъ на престолѣ, то не имѣли ли бѣ и они своихъ ласкателей?

8.

Когда разгоряченная кровь моя, изъ жилъ въ жилы стремящаяся, воспламеняется¹⁸ и скоропостижный огонь приносить біющемуся моему сердцу; когда

нѣмецкомъ переводѣ: «Die gefällige Schmeichelei ist die Tochter des Eigennutzes».

¹² т. е. безстрашнымъ — «dem verwegenen Afrikaner».

¹³ ... «und der Betrug, mit dem sie ihn zu verderben sucht, ist unter dem Schmelze der Blumen verdeckt».

¹⁴ Вмѣсто послѣдняго сравненія находимъ въ нѣмецкомъ текстѣ: «aus einer Milbe einen Stier», что согласно и съ подлинникомъ: «ou d'un ciron fait un taureau», т. е. изъ клеща — вола. *Скнипа* — вошь. Въ первоначальномъ изданіи: «книпа», но такого слова нѣтъ.

¹⁵ ... «billigte ihre Schandthaten».

¹⁶ ... «seinen Weihrauch».

¹⁷ «Das stolze Glück».

¹⁸ Въ изданіяхъ Штукина (1845) и Смирдина (1847 и 1851) здѣсь передъ словомъ *воспламеняется* появи-

потемненный мой разумъ уже оставляетъ меня моему бѣснованію: вотще тогда безстыдный льстецъ обманчивымъ своимъ краснорѣчіемъ будетъ выхвалять и цвѣтъ лица моего и совершенство моего здравія.

9.

Вмѣсто того, чтобъ скарденое ласкательство благообразило наши пороки, то искажаетъ сіе преступное богопочтеніе у витязей славу. Люди могутъ насъ хвалить или хулить; но мы остаемся таковы, каковы есмы: немощны или здравы, откровенны или скрытны. Нѣтъ, не витійство человѣковъ, но гласъ совѣсти моей одобряетъ мои добродѣтели¹⁹.

10.

Людовикъ, который потрясъ землю, котораго руки сильно ужасалися, былъ очень великъ на войнѣ, но весьма малъ на театрѣ²⁰. Всѣ знаки чести, посвященные государями собственной ихъ памяти, дѣлають триумфы ихъ ненавистными, и я не познаю уже гордаго разорителя Вавилона на его престолѣ, когда онъ велѣлъ себя нареци сыномъ божіимъ.

11.

Возстаните отъ упіенія вашего, государи, князи, мудрецы и герои, и побѣдите слабость вашу, владычественные лавры ваши дѣлающую поблекшими. Воззрите на море заблужденія, въ которое изъ суеты самолюбіе ваше васъ низвергаетъ. Мужайтесь, бодрствуйте противъ ласкателей и разбейте невѣрное зеркало, сокрывшее предъ вами правду.

12.

О ясноблещущая истина, дочь безсмертная неба! снесися къ симъ мѣстамъ изъ лучезарнаго твоего жилища. Свѣтъ твое наслѣдіе: разсыпь туманныя облака, чѣмъ гордость помрачаетъ нашъ разумъ; да преидеть она яко мгла густая, исчезающая отъ тихихъ лучей грядущаго на горизонтъ утренняго солнца.

ласъ нелѣпѣйшая вставка: *изъ скнипа*, которая какъ-то забрела сюда изъ 6-й строфы, гдѣ вмѣсто: «изъ скнипа Минотавра» въ этихъ изданіяхъ напечатано: *изъ Минотавра красавца*.

¹⁹ ... «die Stimme meines Gewissens ist es, die meine Tugenden entscheidet (Qui décide de mes vertus)».

²⁰ ... «und sehr klein in der Oper».

13.

Вельможи, послѣдующіе примѣрамъ Циня и Морнея²¹, вы единственно заслуживаете храмъ, посвященный именамъ великимъ. Ваши тонкія укоризны²² при напоминовеніи умѣютъ нравиться, и вы суть²³ одни друзья справедливые. Ласкатели! не употребляйте теперь болѣе вашей лести, не думайте, чтобъ вы меня обмануть могли. Я познаю уже ваши непріязненные стрѣлы.

14.

Цезаріонъ, другъ истинный и нѣжнѣйшій нежели Пиридъ²⁴! въ тебѣ нахожу я примѣръ изъ первыхъ всѣхъ добродѣтелей²⁵. Обличай дерзновенною дружбою твоею безослабленно мои заблужденія и пороки. Такъ очищаетъ и раздѣляетъ золото въ горнилѣ огонь отъ прочихъ низкихъ металловъ.

²¹ ... «des Cineas oder Mornay».

²² «Ihr, deren scharfer Tadel»...

²³ *вы суть* подчеркнуто рукою Державина въ принадлежавшемъ ему экземпляръ Читалагайскихъ одъ.

²⁴ т. е. Пиритой.

²⁵ ... «der ersten aller Tugenden», т. е. первой изъ всѣхъ добродѣтелей.

II. ОДА НА ПОРИЦАНІЕ²⁶.

1.

Какое привидѣніе, какое страшилище непрестанно меня преслѣдуеть! Оно убѣждало отъ рубежа царства тѣней, и взоръ его грозитъ погубленіемъ. Рѣки горести и желчи текутъ изъ оскорбительнаго²⁷ рта сего блѣднаго и свирѣпаго чудовища. Оно не имѣетъ другія плоти, кромѣ лжи, обмана, клеветы, лести и вѣроломства.

2.

Я познаю тебя по подлымъ изворотамъ лица твоего, варварское порожденіе зависти! Я познаю тебя по неутолимой никогда алчбѣ безстыдства и предательства твоего, по зміямъ твоимъ и скорпіямъ²⁸, воздоеннымъ твоею лютостію, по покрывалу твоему, по ложному гласу трубы твоей, сему твоему орудію недоброхотства!

3.

Между тѣмъ какъ угасшій фіяль²⁹ мрачнаго твоего подожденія раздуваешь ты вновь и отрясаешь его близъ престоловъ, то въ куреніи семъ исчезаютъ оныя. Уже къ облежимымъ къ нимъ тобою не доходятъ болѣ жалобы невинности, коея были они покровители. Тотчасъ сами они становятся тебѣ въ порокахъ сопреступниками, тебѣ служатъ и угнетаютъ все, что только гонитъ твоя ненависть.

4.

Личиною притворства³⁰ прикрываешь ты свое сквернообразіе. Продерзость скареднаго твоего языка возстаетъ даже на самихъ государей. Съ ужаснымъ ревомъ во всѣхъ чертогахъ царскихъ слышно рыканіе твоей наказанія достойной зависти³¹. Ты есть единственная душа придворныхъ³², преобращающая смѣющіеся ихъ дни въ печальныя нощи.

²⁶ Вѣрнѣе: На клевету — «An die Verleumdung» (въ указанной нѣмецкой книжкѣ ода I).

²⁷ ... «aus dem lästernden Munde».

²⁸ ... «und Drachen».

²⁹ Фіяль — кубокъ; смѣшано Державинимъ съ словомъ *факель*, которое здѣсь слѣдовало употребить: «Indem du den trüben Schimmer der schwarzen Fackeln der Tisiphone wieder auffachst» ...

³⁰ ... «Mit der Larve der Politik» ...

³¹ Фридрихъ II говоритъ о самомъ себѣ: «Mit einem schrecklichen Gebrüll schreit wider mich an allen Höfen der strafbare Hass».

³² Въ первоначальномъ изданіи *притворныхъ* — опечатка: «Du wirst allein die Seele des Staatsbeamten».

5.

Итакъ наполненный твоими поношеніями быстротекущій слухъ заражаетъ своею лютостію всю вселенную. Европа, жадная къ новостямъ, глотаетъ дымъ, изрыгаемый твоимъ ядовитымъ дыханіемъ. Вверженная тобою въ заблужденіе, почитаетъ она прорицалище лжи за излагателя правды.

6.

Ржа твоя обыкновенно пристаётъ болѣе къ именамъ славою великимъ. Сіяніе ихъ вящшей красоты неудобосносно³³ твоимъ мрачнымъ взорамъ. Демонъ ужаса, которымъ ты одержима, очерняетъ Цесареву славу у Никомеда и не щадитъ Сципіона. Ты изгоняешь Велисарія въ бѣдность и преобразуешь его лавры своимъ волшебствомъ въ глазахъ народа въ терніе.

7.

Гдѣ были великія заслуги, на которыхъ ты когда не зіяла? Не гонишь ты Терсита, но Ахиллеса заглушаетъ твой ревъ. Свирѣпые твои сообщники вооружались въ Греціи острацизмомъ, истребити всѣхъ героевъ³⁴. Великіе только люди суть твоя жертва, и еще дымится кровь оныхъ на темныхъ алтаряхъ твоихъ, пролитая твоими беззаконіями.

8.

Въ безумномъ упіеніи твоёмъ Люксембургъ былъ обвиненъ чарованіемъ. Евгенийъ въ младости своей носилъ знаки зубовъ твоихъ. Колбертъ, сей достопочтенный мужъ совѣта, и теперь еще стыдитъ тѣмъ Францію, чѣмъ ты его поклепала. Тобою даже статуя великаго Людовика въ минуту послѣ его смерти была обезчещена.

9.

Кинжалъ твой, прободая честь, возставляетъ бранниковъ³⁵. Болѣе нежели одинъ приводецъ³⁶ за побѣды свои обязанъ соперника своего славѣ. Преодоля всѣ препятствія, по многимъ дивамъ имя его наконецъ будетъ яду твоему противный ядъ. Но какъ ты ни на кого болѣе не преогорченна, лишь на людей великихъ, то въ твоёмъ мракѣ чрезмѣрное ихъ сіяніе ослѣпляетъ паче глаза смертныхъ.

³³ «Deine zu sehr strahlende Schönheit verletzt».

³⁴ ... «allen Heldenmuth zu ersticken».

³⁵ ... «macht dass die Helden wieder aufstehen».

³⁶ «Mehr als ein berühmter Heerführer» ... Ср. польское dowódca, начальникъ отряда.

10.

Потому, претерпѣвъ твою лютость, не боюся я болѣе твоихъ намущений, для того, что пускаемая тобою стрѣлы всегда попадаютъ въ добродѣтель. Напрасно ставить противъ тебя споны³⁷: сама Минерва, вооруженная Медузой, не могла обратитьъ тебя въ камень. Одно благодѣяніе времени откроетъ твою злость и оправдаетъ насъ передъ свѣтомъ.

11.

Вы же, которыхъ чудовище сіе воскормило и воспитало, излившіе пагубными языками своими злость его, соустройте свой хулительный гласъ, органъ подлѣйшаго обмана, тонкимъ клеветамъ его, возмущайте паче, ежели можете, и всѣ бездны моря: ничто не разрушитъ глубокаго моего покою.

12.

Между тѣмъ какъ въ прекрасныхъ вертоградахъ нашихъ, съ цвѣтовъ перелетая на цвѣты, для своего нектару собираетъ пчела сладость, то въ то же время безплодный рой шерстневъ³⁸, для собиранія своего яду, высасываетъ со вредныхъ травъ горестъ³⁹. Когда къ трудолюбивому царству пчель припалзываютъ ненавистные шерстни, тогда царица оныхъ взвивается къ облакамъ.

13.

Всегда полезная невинность, тако счастливая и спокойная, довольная своею судьбиною, трудится для блага человѣческаго рода и видитъ въ варварскихъ рукахъ твоихъ остріе желѣза, подстрекаемое до послѣдняго слѣда разрушать новые памятники, поставленные премудростію и блаженствомъ.

14.

Стократно видѣлъ я, что твои неблагодарныя руки, дабы тѣмъ болѣе повредить живущихъ, ласкаютъ умершихъ. Пороки твоя обитаютъ въ нощи, ибо ты отвращаешься дня, который ихъ изобличить можетъ, — подобно печальнымъ вранамъ, кои на кладбищахъ мертвыхъ собираются въ кипарисныхъ дебряхъ и своимъ крикомъ пугаютъ тѣней.

³⁷ т. е. препоны.

³⁸ т. е. шершней, «Wespen».

³⁹ читай: горечь.

15.

Ядовитая гидра! ты, которой угрызеніе зміино жалить для общаго добра рожденнаго принца, о дикій, кровожаждущій тигрь! я отказываюсь труда, не заслуживающаго благодарности⁴⁰, умягчить твои свирѣпые нравы: прежде Аравитянинъ, подь горящимъ поясомъ, укротить всѣхъ африканскихъ чудовищъ.

16.

Будь кто соревнитель Виргиліевъ и царствуй на горѣ двухолмистой, но Зоиль тебя перехулитъ и сопхнетъ со Геликона. Дерзостный орель, вознесшій свое пареніе до чертоговъ божества свѣта, понижаетъ свой полетъ и скоро преобращень будетъ въ хищную, или трупы жрущую птицу.

17.

Между тѣмъ какъ разгорячившееся отъ яду порицанія сердце занимается объ ономъ слагать стихи, безчеститъ оно свой даръ и божественное согласіе своя пѣсни. Да не употребимъ во зло нашего восторга; желчь порицанія отравляетъ источникъ Иппокрены. Я предпочитаю краснорѣчію своему мудрое и добродѣтельное Бернардово молчаніе, который опѣвалъ божество любви.

18.

Такъ стоитъ безъ утѣшенія Няяда, когда возмьютъ бунтующіе вихри тихія ея воды, изъ нѣдръ глубокаго ея жилища поднимаются камни, песокъ мѣшается съ волною и помрачаетъ кристаловидныя ея струи. Но ежели наступитъ тишина, источникъ становится прозраченъ, бѣжитъ свѣтло въ тихое его теченіе, то уже ничто не возмущаетъ чистаго ея потоку.

19.

Подобны сему и разславленные поношенія, между тѣмъ, какъ они еще и новы, касаются только воздуху, потомъ презираютъ ихъ, позабываютъ и пасквили⁴¹ ихъ съѣдаются червями. Одни только справедливыя заслуги находятъ сами въ себѣ непрестанное покровительство.

20.

Напоследокъ возставленная истина торжествуетъ надъ заблужденіемъ. Іуліанъ находитъ противъ священнаго порицанія защитника. Ежели ненависть и ея подру-

⁴⁰ «Ich entsage der undankbaren Arbeit».

⁴¹ ... «und die Schmähschrift».

же зависть⁴² лежать въ пыли, то безъ дальнаго предстательства, добродѣтель сама показывается собою. Мы видимъ въ почтенія достойныхъ повѣстяхъ, что лавры славы зеленѣютъ паки, которые было обезлистила⁴³ ненависть.

⁴² «Wenn der Hass und sein Gefolge und der Neid» ...

⁴³ «entblättert».

III. ОДА НА ПОСТОЯНСТВО⁴⁴

1.

Ослѣпленная алчба крови, губительница смертныхъ, не твоему мрачному неистовству посвящаю я здѣсь алтарь, но той мужественной, постоянной, твердой и долготерпѣливой добродѣтели, которая, презирая обуреваніе судьбины, непреклонна отъ гласу ненависти, полна любви къ своей жизни, изъ великодушія токмо пренебрегаетъ смерть.

2.

Низведенный гнѣвъ⁴⁵ боговъ преступкомъ дерзкаго Прометея, похитившаго у нихъ небесный огонь, велѣлъ распространиться изъ вреднаго сосуда Пандоры по всей землѣ адскому отроищу⁴⁶ зла; только единственная частица ихъ милости осталася на днѣ пагубнаго сего сосуда въ надеждѣ.

3.

На страшномъ позорѣ⁴⁷ ономъ, гдѣ люди яко на игрищѣ представляютъ свои лица⁴⁸, природа утѣщающаяся нашими несчастіями, кажется намъ мачиха: заслуги, достоинства, порода и ничто не освобождаетъ насъ отъ страданія. Во всѣхъ нашихъ участяхъ бѣды съ нами: я вижу Галилея въ узахъ, Медицисъ въ заточеніи и Карла на мѣстѣ лобномъ.

4.

Здѣсь похищенное у тебя счастье возжигаетъ въ тебѣ отмщеніе; тамо невинное твое сердце прободають стрѣлы зависти; тутъ изнуряющая скорбь разливаетъ свои страхи на цвѣтущее твое здравіе. Сегодня больна жена, завтра мать, или братъ, или смерть вѣрнаго друга, заставляютъ тебя проливать слезы.

⁴⁴ Въ указанной книжкѣ: «Ode III. Die Standhaftigkeit», во французскомъ подлинникѣ : «La fermeté».

⁴⁵ Въ первоначальномъ изданіи «низведенный Гнѣвъ» — опечатка, которая повторилась и въ собраніяхъ сочиненій Державина. «Der aufgebrachte Zorn der Götter» ...

⁴⁶ ... «den höllischen Schwarm».

⁴⁷ т. е. позорищѣ. Державинъ и послѣ употреблялъ слово *позоръ* въ этомъ смыслѣ: см. выше стр. 258.

⁴⁸ «Worauf die Sterblichen die spielenden Personen sind».

5.

Тако, не взирая на усильственную лютость свирѣпствующей хляби, носится утлое судно по ярящемуся морю. Воздвигаемая бурнымъ дыханіемъ волны то возносятся къ облакамъ, то низвергають его въ тартаръ. Небо возвѣщаетъ ему его сокрушеніе, но оно, подкрѣпляемое своею бодростію, противится и волнамъ и вихрямъ и безднамъ.

6.

Итакъ, въ смущенныхъ дняхъ, противу всѣхъ навѣтовъ твердость щить и непоколебимость оружія⁴⁹. Судьбина можетъ гнать и изготовлять паденіе и ускорять погибель, но никакая опасность не сотрясетъ постоянства. Когда боязливая подлость⁵⁰ исчезаетъ безъ надежды, тогда духъ крѣпкій мужаться долженъ.

7.

Божество времени скорыми своими крылами летитъ и не возвращается къ намъ паки. Хотя не можетъ оно отмѣнить судьбины, но, кажется, въ его отдаленіи самимъ своимъ полетомъ уже даетъ намъ благо, ибо все имъ причиняемое и все истребляемое, даже до малѣйшаго слѣда, уноситъ оно съ собою. Для чего жъ вздыхать въ краткое несчастіе, которое пройдетъ въ минуту, и для чего безпрестанно намъ жаловаться?

8.

Чуждуся я Овидія⁵¹: печалень, грустенъ, боязливъ и даже въ самой бѣдности ползающій⁵² лстець своего тирана не имѣетъ ничего мужественнаго въ своемъ сердцѣ. Должно ли заключить изъ его жалобъ, что кромѣ пышныхъ стѣнъ Рима нѣтъ нигдѣ надежды смертнымъ? Блаженъ бы онъ былъ, когда бы въ своемъ заключеніи, какъ Горацій, сказать могъ: «Счастіе мое со мною!»

9.

Крѣпкіе филозофскіе духи, жители на земли неба, звѣзды стоическаго ученія! вы будете изъ смертныхъ боги. Ваши мудрованія, ваши непоколебимыя души надъ

⁴⁹ «So sind in diesen unruhigen Tagen Muth und Standhaftigkeit der Schild und die Waffen, die ich der Wiederwärtigkeit entgegen stelle».

⁵⁰ «Wenn dem furchtsamen Pöbel alle Hoffnung verschwunden scheint».

⁵¹ «Ich verkenne den Ovid».

⁵² «Der traurige in seinem Elend kriechende» ... Въ первоначальномъ изданіи *пользующій* — опечатка. И Сумароковъ писалъ *ползующій* вм. *ползающій*.

человѣчествомъ торжествуютъ. Что могутъ налоги несчастія⁵³ мужественному сдѣлать сердцу, которое унывать неспособно?

10.

Регуль оставляетъ друзей, отечество, идетъ въ Карфагену, предается въ неволю укротить дикую суровость своихъ мучителей. Велизарія я болѣе чту въ его презрѣніи и въ нищетѣ, нежели на лонѣ его благополучія. Если я удивляюсь великому Людовику, то это тогда, какъ его угнетаютъ несчастія, и онъ лишается своего потомства.

11.

Малый духъ покоится безъ труда въ нѣдрѣ своего благополучія; человѣкъ наслаждается своимъ счастьемъ, которое ему даруетъ случай; душа благородная не токмо отличается въ благопріятномъ времени, но ежели и обстоятельства смѣшаны⁵⁴. Сіе же опытъ совершенной добродѣтели, когда сердце въ жестокостяхъ рока растетъ и возвышается.

12.

Вѣчное предопредѣленіе неупросимо; напрасно хотятъ преобратить его; который смертный дерзнулъ противоборствовать его узаконеніямъ? Нѣтъ! всѣ силы Алцидовы въ крутизнахъ стремленія его слабы.⁵⁵ Постоянною душою только надлежитъ сносить свирѣпость несчастія, которое никакъ премѣнить не можно.

⁵³ «Was vermag Schmerz und Widerwärtigkeit» ...

⁵⁴ «Nicht im günstigen Schicksal kann sich ein edler Geist hervorthun; er wird mit der Menge vermischt».

⁵⁵ «Nein, alle Stärke Alcidents hätte ihn nicht wider den Strom eines reissenden Flusses schwimmen gemacht».

IV. ОДА КЪ МОВТЕРПШЮ⁵⁶

ЖИЗНЬ ЕСТЬ СОНЪ.

1.

О Мовтерпшй, дражайшій Мовтерпшй, какъ мала есть наша жизнь! Цвѣтъ сей, сегодня блистающій, едва только успѣлъ расцвѣсть, завтра увядаетъ. Все проходитъ, все проходитъ строгою необходимостію неизбѣжимыя судьбины, и все уносится. Твои добродѣтели, твои великіе таланты не могутъ дня одного получить отсрочки отъ времени.

2.

Лучшихъ дней моихъ нѣтъ; какъ шумящія волны, удовольствія мои улетѣли; никакая сила оныхъ не удерживаетъ, и я слѣдую уже стоическому поученію хладнаго моего разума. Между тѣмъ какъ я удручаюсь, онъ восходитъ; настоящее летитъ, будущее неизвѣстно, а прошедшее менѣе какъ сонъ.

3.

Гордый смертный, ты, который толь суетенъ въ слабыхъ помышленіяхъ духа твоего! познай твою крушиму ю судьбину и умѣрь твою спѣсь; кратокъ есть конецъ и въ томъ предѣль твой: лишь только ты родился, уже рокъ дня того влечетъ тебя къ разрушающей ноци, гдѣ Мевій и Виргилій во множествѣ смѣшанны⁵⁷ и имѣютъ единственную участь.

4.

Прельщенные ложнымъ блескомъ добра недостойнаго, дѣлающіе себѣ идола изъ металла брэннаго и преходящаго, къ чему вы его жалѣете? Видите, о смертные! на свѣтъ семъ все яко цвѣтъ сельный упадетъ; такъ лучше пожалѣйте о своемъ заблужденіи! Ваши сокровища, ваши богатства послѣдуютъ ли за вами въ могилу вашу?

⁵⁶ Мопертюи (Maupertuis), котораго Державинъ по незнанію французскаго языка называетъ неправильно, былъ знаменитый французскій математикъ (1698—1759), извѣстный особенно по экспедиціи (1736), отправленной подъ его начальствомъ въ Лапландію для измѣренія градусовъ и имѣвшей результатомъ точнѣйшее опредѣленіе формы земли у полюсовъ. Авторъ оды, Фридрихъ II, вызвалъ его 1740 г. въ Берлинъ и впоследствии доставилъ ему мѣсто президента тамошней академіи; Мопертюи вмѣстѣ съ Вольтеромъ принадлежалъ къ тѣсному кружку самыхъ близкихъ друзей короля. Въ «Vermischte Gedichte» ода IX: «An Maupertuis. Das Leben ist ein Traum».

⁵⁷ «Da sind die Mäve und Virgile unter der Menge vermischt und haben ein gleiches Schicksal».

5.

Какъ можно толикое множество суетныхъ предметовъ пожертвовать нашей жизни⁵⁸! Для чего такое великое пространство замысловъ пути столь ограниченному? Герои, готовящіе узы несчастливой вселенной! воззовите витязей, начертанныхъ въ лѣтописцахъ: достигаете ли всѣхъ оныхъ вы славы ?

6.

Пусть подсолнечная дѣлами вашими придетъ во изступленіе, пусть триумфы ваши превознесутъ васъ въ санъ монарха, но миръ окончитъ брани; вы будете жертва смерти, и едва только выговорится о васъ одно слово, уже все загладится рушащими вѣками. Человѣкъ умереть и героя позабудутъ.

7.

Какое множество было мужей великихъ, и время еще усугубитъ оныхъ. Станьте съ ними рядомъ, но тѣнь ихъ помрачитъ васъ. Ежели ваше невѣждественное бѣшенство почитало славолубіе за истинную славу, то, ахъ! какая будетъ судьба ваша? Часто свѣрѣпствующій кровопивецъ думаетъ въ то время прославляться дѣлами своими, когда свѣтъ весь наполненъ къ нему омерзѣнія.

8.

Сколько прошло вѣковъ, какъ щедродарная десница мятежныхъ устроила стихіи, и изъ Хаоса сотворила свѣтъ. Время все захватываетъ въ свое владычество, такъ что настоящее бѣжить, а будущее скоропостижно ему же послѣдуетъ. Человѣкъ! область дней твоихъ — въ вѣчности точка: быть одну минуту, сіе называется жить.

9.

Когда бы люди по крайней мѣрѣ двойственное число дней своихъ жить могли, то бы можно было иногда поласкать ихъ гордости. Смертные! дерзкія желанія ваши возносятся васъ сравнятся богамъ, но что вы? — вы рождены пресмыкаться въ пыли, жить и умереть. Это вы, которые существуете на то, чтобъ исчезнуть, — это вы стараетесь о славѣ?

⁵⁸ «Wie kann man sein Schicksal so vielen eitlen Gegenständen aufopfern»!

10.

Для чего искать счастья? Для чего бояться ударовъ неба? Доброе есть пріятный, а злое худой сонъ. Всѣ сіи случаи для того, кому бытіе наше извѣстно⁵⁹, суть предметы равнодушныя. Прочь, печали, утѣхи, и вы, любовныя восхищенія! я вижу нить дней моихъ въ рукахъ уже смерти.

11.

Имѣнія, достоинства, чести, власти, вы обманчивы и яко дымъ. Отъ единого взгляда истины исчезаетъ весь блескъ проходящей красоты вашей. Нѣтъ на свѣтѣ ничего надежнаго, даже и самыя наивеличайшія царства суть игрище непостоянства.

12.

Познаемъ слѣпоту нашу, предразсужденія наши и наши слабости: тогда все кажущееся великимъ будетъ куча бездѣлицъ. Вознесемъ на небеса и ниспустимъ отъ величественной высоты оной взоръ свой на Парижъ, на Пекинъ и на Римъ: то въ отдаленности всѣ сіи великости исчезнутъ. Вся земля уподобится точкѣ; что же будетъ человѣкъ ?

13.

Наполнены суетности, носимся мы между прошедшею и будущею бездною вѣковъ, которые бѣгутъ непрестанно. Всегда упражнены ничѣмъ⁶⁰, яко дѣйствительныя Танталы ложнаго блага, погружены въ обавающій сонъ, терзаемся безпрестанно хотѣніемъ и теряемся въ ничтожествѣ! Сей есть предѣлъ нашей жизни⁶¹.

⁵⁹ ... «der unsere Dauer kennt».

⁶⁰ «Immer mit einem Nichts beschäftigt (toujours occupés par des riens)».

⁶¹ «Dies ist die Bestimmung unsers Lebens».

V. ОДА НА ВЕЛИКОСТЬ⁶².

Живущая въ кругахъ небесъ 1.
У Существа существъ всѣхъ сущихъ,
Кто свѣтъ изъ вѣчной тмы вознесъ
И твердь воздвигъ изъ безднѣ борющихъ,
Дщерь мудрости, душа боговъ!
На гласъ моей звенящей лиры
Оставь гремящіе эѳиры
И стань среди моихъ стиховъ!

Возлегли на твоихъ персяхъ, 2.
Наполнясь твоего паренья,
Я зрю, — блистаетъ свѣтъ въ очахъ;
Я мню, — перо творить велѣнья!
Восторгся духъ зарей въ чертогъ!
Страны вселенныя, взирайте,
Божественъ образъ познавайте:
Великость въ человѣкѣ — Богъ!

Свѣтила красныя небесъ, 3.
Теперь ко мнѣ не наклоняйтесь;
Дубравы, птицы, звѣри, лѣсъ,
Теперь на гласъ мой не собирайтесь:
Для васъ высокъ сей пѣсни тонъ.
Народы! васъ къ себѣ собираю,
Великость вамъ внушить желаю,
И вы, цари! оставьте тронъ.

Ногою ставъ на черный понтъ, 4.
Черезъ мракъ и чрезъ пары стремящи
Тавръ всходитъ въ вышній горизонтъ;
Не можетъ вихрь его ярящій
Нимало сердце колебнуть :
Онъ бурей трескъ уничтожаетъ,
Онъ молній блескъ пренебрегаетъ,
Безсиленъ громъ его тряхнуть.

⁶² Эта ода, какъ видно изъ послѣднихъ строфъ ея, относится отчасти къ Екатеринѣ II и внушена блистательными побѣдами ея войскъ въ борьбѣ съ Пугачевымъ и съ Турками («Ты свергла Змія и Луну»).

Высокій духъ чрезъ все высокъ, 5.
Всегда онъ твердь, что ни случится:
На западъ, югъ, полнощъ, востокъ
Готовъ онъ въ правдѣ ополчиться.
Пускай самъ Богъ ему грозитъ⁶³,
Хотя въ пыли, хотъ на престолѣ,
Въ благой своей онъ крѣпокъ волѣ
И въ ней по смерть, какъ холмъ, стоитъ.

Изъ мрачной древности времянь 6.
Великій духъ мнѣ въ слухъ разится;
Алкидъ, геройствомъ возбуждень,
Прогнать изъ свѣта злобу тщится.
Онъ въ путь течеть средъ безднъ, средъ бласть,
Изъ корней горы исторгаетъ,
Горами страшными бросаетъ,
Шагами потрясаетъ адъ⁶⁴.

Когда богамъ не можно быть 7.
Никакъ со слабостями людскими,
То долженъ человекъ сравнить
Себя дѣлами имъ своими.
На что вносится въ звѣздный тронъ ?
Петра Великаго лишь зрѣти,
Его кто можетъ духъ имѣти,
Богамъ подобень будетъ онъ.

Востока царь, полсвѣта страхъ, 8.
Подсолнечной желатель трона,
Не тѣмъ великъ въ моихъ глазахъ
Попратель града Вавилона,
Что скипетры подъ нимъ лежать,
Но что, быть мнивши кубокъ съ ядомъ,

⁶³ «Когда на Юва праведнаго ниспосланы были бѣдства, то самъ Богъ, искушая его, призвалъ духа и велѣлъ коснуться плоти его». Д.

⁶⁴ Ср. у Ломоносова въ одѣ 6, строфу 10:

«Я духомъ зрю минувше время,
Тамъ грозный злится исполинъ и проч.
Онъ ревомъ бездну возмущаетъ,
Лѣсисты съ мѣсть бугры хватаетъ
И въ твердь сквозь облака разить».

Это соотвѣтствуетъ § 158 его Риторики: «Увеличеніе вещей къ составленію вымысловъ весьма способно» и т. д.

Пріяль, не возмутился взглядомъ⁶⁵,
Яко божественный Сократъ.

Судьбина если не дала 9.
Кому престоломъ обладати,
Творити Титовы дѣла,
Щедроты смертнымъ изливати, —
И въ нижней части можно быть⁶⁶.
Пресвыше, какъ носить корону:
Чѣмъ быть подобному Нерону,
То лучше Епиктитомъ слыть.

Терпѣть, страдать и умереть 10.
Съ неколебимою душою,
Такою ревностью горѣть,
Мужался Регулъ каковою, —
Преславно тако кончить дни!
Бездушные Сарданапалы
Сто разъ предъ Белизаромъ малы,
Хотя блаженствуютъ они.

Небесный даръ, краса вѣковъ, 11.
Къ тебѣ, великость лучезарна,
Когда средь сихъ моихъ стиховъ
Восходитъ мысль высокопарна,
Подай и сердцу столько силъ,
Чтобъ я тобой одной былъ явень,
Тобой въ несчастьи, въ счастья равень,
Одну бы добродѣтель чтить.

Луны у насъ въ полудни нѣтъ, 12.
Она средь ночи намъ блистаетъ,
А если солнце день даетъ, —
По буряхъ краше намъ сіяетъ.
Великъ напастями человѣкъ!
Въ горнилѣ злато какъ разжженно
Отъ праха зрится очищенно,
Такъ нашъ бѣдами бранный вѣкъ.

Услышьте, всѣ земны владыки, 13.
И всѣ державныя главы!

⁶⁵ Какъ кажется, воображеніе Державина сильно поражено было этой чертой изъ жизни Александра Македонскаго. Ср. Томъ I, стр. 114.

⁶⁶ т. е. и въ низкой долѣ можно быть выше, чѣмъ нося корону.

Еще совсѣмъ вы не велики,
Коль бѣдъ не претерпѣли вы!
Надежитъ зло претерть пятой,
Противъ перуновъ ополчиться,
Самихъ небесъ не утрашиться
Со добродѣтельной душой.

Богини, радости сердець,
Я здѣсь высотъ не выхваляю:
Помыслить кто, что былъ я льстець;
Затѣмъ потомкамъ оставляю
Гремящу, пышну ону честь:
Россія чувствуетъ, налоги⁶⁷,
Судьбы небесъ какъ были строги
Монархини сей духъ вознестъ.

14.

Она пожары, язвы, гладь,
Свирѣпы бунты укротила;
Всѣхъ золь зіялъ на насъ какъ адъ,
Она бѣды всѣ отвратила:
Магмету стерла гордый рогъ;
Превыше смертныхъ щедрой власти,
Была покровъ намъ въ лютой части,
Какъ былъ на насъ Самъ въ гнѣвѣ Богъ.

15.

Уже дымятся алтари
Душѣ превыспренней, парящей,
Среди побѣдъ, торжество зари
Своимъ величествомъ свѣтящей:
Россія празднуетъ жену.
Но что за громъ мнѣ ударяетъ?
Екатеринѣ мѣръ взываетъ:
Ты свергла Змія и Луну!

16.

⁶⁷ Ср. выше въ 9-й строфѣ оды *На постоянство* (стр. 285): Налоги несчастія.

VI. ОДА НА ЗНАТНОСТЬ⁶⁸

1. Не той здѣсь пышности одеждъ,
Царей и куколъ что равняетъ,
Наружнымъ видомъ отъ невѣждъ
Что имя знати получаетъ,
Я строю гусли и тимпанъ;
Не ты, сѣдящій за кристаломъ
Въ кивотѣ, блещущій металломъ,
Почтенъ здѣсь будешь мной, болванъ!

2. На стогнъ поставленъ, на позоръ,
Кумиръ безумну чернь прельщаетъ;
Но чей въ него проникнетъ взоръ,
Кромѣ пустотъ не ощущаетъ.
Се образъ ложныя молвы,
Се образъ грязи позлащенной!
Внемлите, князи всей вселенной:
Статуи, безъ достоинствъ, вы!

3. При блюдѣ въ пиршествѣ златомъ
Калигула, быть мнимый богомъ,
Не равенъ ли съ своимъ скотомъ⁶⁹?
И ты, вельможа, въ блескѣ многомъ
Не такъ ли твой какъ пышень цугъ?
Не только ль славенъ ты кудрями,
Всякъ день роскошными столами
И множествомъ нарядныхъ слугъ?

4. Творящъ въ Ареопагѣ судъ,
Подъ кровомъ злата и виссона,
Өемиды свято мѣсто тутъ:
Бѣги изъ-за зеркальна трона,
Коль ты неправеденъ, Катонъ!

⁶⁸ Написана въ честь Румянцова-Задунайскаго, какъ славнѣйшаго дѣятеля въ турецкой войнѣ, одновременно съ Пугачевщиною. Объ этомъ стихотвореніи было уже говорено въ Томѣ I (стр. 622) подъ одою *Вельможа*, въ которую, двадцатью годами позже, Державинъ пересоздалъ оду *На знатность*.

⁶⁹ Не равенъ ли съ своимъ скотомъ. — Ср. *Вельможа*, строфа 4:

Калигула! твой конь въ сенатѣ
Не могъ сіять, сія въ златѣ:
Сіяютъ добрыя дѣла.

На что и правосудье въ свѣтѣ,
Когда есть стольникъ въ той примѣтѣ,
Что стальъ другой Шемякинъ онъ⁷⁰?

Къ чему способности и умъ, 5.
Коль духъ наполненъ весь коварства?
Къ чему послужить вождя шумъ,
Когда не щить онъ государства?
Емелька съ Катилиной — змѣй;
Разбойникъ, распренникъ, грабитель
И царь, невинныхъ утѣснитель, —
Равно вселенной всей злодѣй.

Въ триумфѣ, въ славѣ, подѣ вѣнцомъ, 6.
Герой, Помпея побѣдитель,
Юлій жаждущимъ мечемъ
Не сталь ли Рима обагритель ?
Славнѣй Екатериной быть:
Преставъ быть чуждымъ страхъ границамъ,
Велѣла слезы стерть вдовицамъ,
Блаженство наше возвратить.

О вы, верховныя главы, 7.
Сыны отъ крови свѣтлородной!
Тогда достойны знати вы,
Когда душою благородной,
Талантомъ, знаньемъ и умомъ
Примѣры обществу даете,
И пользу оному ведете
Перомъ, мечемъ, трудомъ, жезломъ.

Дворянства взводитъ на степень 8.
Заслуга, честь и добродѣтель⁷¹;
Не гербы предковъ, блеску тѣнь,
Дворянства истинна содѣтель:

⁷⁰ Что стальъ другой Шемякинъ онъ. — «Да не возьметъ фамилія Шемякиныхъ сіе на свой счетъ; судъ Шемякинъ извѣстенъ въ простонародіи.» Д.

Повѣсть о Шимякиномъ судѣ продавалась въ Москвѣ на Спасскомъ мосту еще при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, — какъ сказано въ предисловіи къ стихотворной ея передѣлкѣ, напечатанной въ 1794 г., въ Москвѣ же, подѣ заглавіемъ: *Старинная русская повѣсть Судъ Шемякинъ съ баснями въ лицахъ*.

⁷¹ Первые 2 стиха ср. съ Наказомъ, гл. XV: «Добродѣтель съ заслугою возводитъ людей на степень дворянства» (стат. 363). «Добродѣтель и честь должны быть оному (дворянству) правилами» (ст. 364).

Стихи 5-й, 6-й и 7-й этой строфы сохранены безъ измѣненія въ 8-й строфѣ *Вельможи*, но вмѣсто 8-го стиха поставленъ другой:

Царю, закону, церкви другъ.

Я князь, коль мой сіяеть духъ;
Владѣлецъ, коль страстьми владѣю;
Боляринъ, коль за всѣхъ болѣю
И всѣмъ усердень для услугъ.

Предъ нами древностью своей, 9.
О князи міра, не гордитесь:
Каковъ Евгений, Тюрень, мужей
Представьте, ими возноситесь,
Но въ росскомъ множествѣ дворянъ
Герои славнѣ бывали
И нынѣ царство подпирали;
Межъ прочихъ сей въ примѣръ вамъ данъ:

Отечеству Румянцовъ другъ 10.
И прямо свѣта хвалъ достоинъ.
Великъ, что въ немъ геройскій духъ,
Но болѣ, что Востокъ спокоенъ
И Сѣверъ сталь его рукой.
Когда уста не прославляютъ,
На то лишъ только умолкаютъ,
Чтобъ мирной чтить его душой.

VII. ОДА НА СМЕРТЬ ГЕНЕРАЛЪ-АНШЕФА БИБИКОВА⁷².

Тебя ль оплакивать я долженъ? 1.
О Бибиковъ, какой ударъ!
Тебѣ ли кипарисны лозы
И миро я на гробъ несу ?
Едва успѣлъ тебя познати,
Уже лишился рокомъ лютымъ!
Погибъ съ печали разумъ мой.
Когда твои доброты вспомню,
Сердечны разверзаю раны
И вновь терплю твою я смерть.

Твои заслуги и почтенье 2.
Къ тебѣ, отъ всей твоей страны,
Уже стократно болѣ стоятъ,
Какъ нежели тебя забыть.
У всѣхъ, достоинства кто любитъ,
Твой образъ въ мысли будетъ вѣченъ:
Внемли! се музъ несется стонъ:
Военна добродѣтель тужить,
Минерва съ Россами крушится;
Любовь, мой плачь твердить: увы!

Не показать мое искусство, 3.
Я здѣсь теперъ пишу стихи,
И риѣмъ въ печальномъ слогѣ нѣтъ здѣсь;
Но вздохъ, но знакъ, но чувство лишь
Того тебѣ благодаренья,
Въ моемъ что невмѣстимо сердцѣ,
Я здѣсь изобразить хочу.
Пускай о томъ и всѣ узнають:
Я сдѣлалъ мавзолей симъ вѣчный
Изъ горькихъ слезъ моихъ тебѣ.

⁷² Въ I-мъ Томѣ (стр. 16) уже напечатаны съ надлежащими объясненіями позднѣйшія редакціи этой оды, написанной Державинымъ вскорѣ по полученіи извѣстія о кончинѣ Бибикова (ум. 9 апрѣля 1774 г. въ Бугульмѣ). Здѣсь помѣщается только первоначальный текстъ ея съ примѣчаніями самого Державина, въ томъ видѣ, какъ они появились въ перепечатываемой нами книжкѣ.

Ода *На смерть Бибикова* — одна изъ всѣхъ Читалагайскихъ одъ — включена поэтомъ въ собраніе его сочиненій. Конечно онъ сохранилъ ее не столько потому, что она удалась ему лучше другихъ (она потребовала измѣненія многихъ стиховъ и цѣлыхъ строфъ), сколько изъ желанія передать потомству это вылившееся у него изъ души, искреннее и простое выраженіе любви и благодарности къ вельможѣ, который былъ однимъ изъ украшеній вѣка Екатерины.

Другіе чтятъ одну фортуна ; 4.
Смотря на прибыли свои,
Божественной поэзы дары
Лишь ей одной приносятъ въ честь;
Но я предъ тронъ фортуны міра
Моихъ цвѣтовъ не рассыпаю ;
Я сыплю ихъ на пепель твой,
Желаю только, чтобъ сказали:
Онъ, знать, что любить добродѣтель,
Онъ пишетъ ей свои стихи.

Но смерть твою, герой, прехвальну 5.
Живѣй чтобъ могъ я описать,
Я взялъ себѣ всѣ черны тѣни
Съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ твой пресѣкъся вѣкъ.
Не лавръ, какъ прежде, исторгая
Прусака, укротилъ Сарматъ;
Но ставъ своихъ спаситель странъ,
Въ вертепѣ бѣдномъ ты скончался!
А сей конецъ, о! какъ прекрасенъ;
Онъ лучше всѣхъ земныхъ побѣдъ.

Воззрѣвъ на предстоящихъ слезныхъ: 6.
«Не жаль отца, жены и чадъ:
«Воздать любящая заслугамъ,
«Россійска мать призритъ ихъ;
«Мнѣ жаль отечество оставить⁷³!» ...
Ты рекъ, и рокъ сомкнулъ вздыханья;
Однако видъ казалъ геройскъ,
Чтобъ скоро все низвергъ ты бѣдство.
Но тутъ бореи возшумѣли
И разнеслася страшна вѣсть.

Пустыни въ вретнице облеклись⁷⁴, 7.
Весна преобразилась въ мракъ,
Казань вострепетала въ сердцѣ,
Упалъ горящій войновъ духъ.
Спѣшатъ писать увѣщеванья:
Мужайтесь, бодрствуйте, — вѣщаютъ⁷⁵;

⁷³ «Сіи слова самыя тѣ, которыя сказаны покойнымъ при концѣ его, когда бывшіе съ нимъ стали представлять ему, чтобъ онъ просилъ монархиню о неоставленіи семьи его».

⁷⁴ «Сочинитель былъ въ то время въ пустыняхъ нѣкоторыхъ тружениковъ, которые въ знакъ своего сокрушенія надѣли на себя волосяныя рубахи, сіе есть вретнице, и, сочиня постъ, молили о душѣ его».

⁷⁵ «Преемникъ Бибикова, генералъ-поручикъ Щербатовъ, отдавая покойному справедливость, писалъ къ нѣкоторымъ въ своихъ повелѣніяхъ, чтобъ не ослабѣвали въ дѣлахъ своихъ, услыша о кончинѣ толь любезнаго и достойнаго предводителя».

Но нѣтъ тебя ... но нѣтъ тебя!
Разстроилось побѣды дѣло⁷⁶;
Сильнѣе разлилася язва,
Скрѣпился въ звѣрствѣ Пугачевъ.

Тогда цѣна твоя позналась 8.
Твоихъ рыданьемъ согражданъ,
Успѣхомъ хищниковъ россійскихъ,
Паденьемъ скорымъ многихъ странъ.
Блаженъ! рекли всѣ вожди свѣта:
Онъ въ лучши дни животъ оставилъ,
Когда о немъ жалѣютъ всѣ!
Въ слѣды счастливый побѣдитель
Несетъ проклятье за собою,
Защитникъ жалость по себѣ.

Подвижники усердной службы 9.
Отечеству по самый гробъ,
Когда имѣютъ въ воздаянъе
Себѣ всегдашню похвалу;
То вожди будущи и войны
Россійскихъ странъ побѣдоносныхъ,
Взрастивъ, какъ мы, лавровый лѣсъ,
Сбирайтесь чтить того вы память,
Снесите въ честь тому вы розы,
Кого зрѣть тщились короли⁷⁷.

Онъ былъ искусный вождь на браняхъ, 10.
Совѣта мужъ, любитель музъ,
Отечества ревнитель твердый,
Блюститель вѣры, правды другъ,
Почтенъ монархиней за службу,
За даръ ума, за добродѣтель,
За честность духа своего ;
Онъ зло стеръ въ подвигѣ скончался.
Вы, вѣтры, нынѣ вѣйте тише!
Священный почиваетъ прахъ.

⁷⁶ «Татищевское сраженіе, разсыпало - было всю дерзость бунтующихъ, но послѣ смерти сего мужа Пугачевъ нашель время паки прійти въ силу».

⁷⁷ «Герой нынѣшняго вѣка, его величество король Прусскій писалъ къ господину Бибикову письмо, которое есть и напечатанное».

Замѣтимъ, что этотъ первоначальный текстъ оды *На смерть Бибикова* перепечатывается нами въ первый разъ: онъ пропущенъ даже въ тѣхъ изданіяхъ, гдѣ помѣщены остальныя Читалагайскія оды.

VIII. ОДА НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА, СОЧИНЕН-
НАЯ
ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ И БУНТА 1774 ГОДА⁷⁸.

Се красный день, твой новый годъ; 1.
А ты еще не утружденна,
Еще ни въ чемъ не упражненна,
Кромѣ побѣдъ, добротъ, щедротъ,
Кромѣ, чтобъ милость намъ являти
И часъ потеряннымъ считати
Безъ милосердіевъ твоихъ.
Любовь и удивленье свѣта,
Что дѣлалъ Петръ, Елисавета;
Твой вѣкъ, Екатерина, — ихъ!

Се новый путь блистать лучамъ, 2.
Тебѣ въ безсмертіе стремиться,
Еще превыше возноситься,
Съ тобою восходить и намъ.
Но, въ яры дни теперъ вздыхая,
Дней прошлыхъ кротость вспоминая,
Ужель не ждаты ихъ вспять съ небесъ?
Эхъ! можно ль въ ономъ сумнѣваться
И льзя ли Россу удержаться
Отъ пѣнія твоихъ чудесъ !

Младая муза, вспрянь, бодришь, 3.
И Эврѣ какъ, крыла простирая,
Полеты стрѣль предускоряя,
Дерзай, теки, стремись, несись,
И въ быстромъ вихрѣ скоропарномъ,
Въ теченьи солнца свѣтозарномъ,
Приблужи къ нему свой орлій взоръ,
Сдержи его крутизнѣ въ вершинѣ,
На самой выпрерней стремнинѣ
Пловущихъ синихъ, свѣтлыхъ горъ.

Сдержи и рцы: о князь планетъ, 4.
Веществъ чувствительныхъ живитель,

⁷⁸ Екатерина II родилась 21 апрѣля 1729 года. Эта ода, въ сохранившейся первоначальной рукописи, состоитъ изъ гораздо большаго числа строфъ нежели въ книжкѣ Читалагайскихъ одъ. Мы помѣщаемъ ниже въ примѣчаніяхъ пропущенныя въ печати мѣста.

Цвѣтовъ, весны, зарей родитель,
Свѣтило, льюще душу въ свѣтъ!
Со лучезарной колесницы
Весь день низводишь ты зѣницы
На роскій небу равный край;
Не въ гнѣвъ тебѣ, царю златому, —
Равень ли солнцу ты другому,
Кѣмъ свѣтель Нордъ? Скажи, вѣщай!

Разжженный какъ въ горну халкидъ⁷⁹,
Таковъ тутъ сынъ Латонинъ зрится,
Въ лицѣ багрянымъ цвѣтомъ рдится
И свой желаетъ скрыти стыдъ.
Трясетъ горящими кудрями
И жаркихъ бьетъ коней возжами,
Претечь ихъ нудить горизонтъ.
Пустившись съ висока юга,
Всего эмпира чрезъ полкруга,
Въ единый мигъ онъ скрылся въ понтъ.

5.

Когдабъ средь варварства ночей
Еще, монархиня, мы жили,
Мы въ солнца чинъ тебя бѣ вмѣстили,
Поставя правдой вымыслъ сей;
Но, днесъ ужъ Ольгой освященны,
Тобою паче просвѣщенны,
Мы баснями тебя не чтимъ;
А если къ онымъ прибѣгаемъ,
Живѣй лишь мысль представить чаемъ,
Въ тебѣ его что образъ зримъ.

6.

Отъ вѣкъ горящій Окіанъ
Возвѣшенъ въ тверди сей надъ нами,
Дабы свѣтящими рѣками
Земныхъ онъ былъ лампада странъ:
Такъ ты, во блещущей коронѣ,
На боголѣпномъ предковъ тронѣ,
Екатерина, — роскій свѣтъ:
Ты намъ премудростью сіяешь
И ею тамъ ты озаряешь,
Гдѣ съ мракомъ ледъ борьбу ведетъ.

7.

Любезный зракъ какъ свѣтитъ сей,
Какъ зримъ его передъ глазами,
Безвредными тогда стезями

8.

⁷⁹ Халкидонъ — драгоценный камень, родъ агата; но здѣсь *халкидъ* то же, что *χαλκός* = мѣдь.

Мы ходимъ средь своихъ путей:
Такъ ясный день твое владѣнье,
Твои доброты — охраненье
Отъ всѣхъ намъ золь въ странѣ твоей:
Законы, казни всей вселенной
Не могутъ жизни дать блаженной,
Какъ благъ одинъ примѣръ царей.

Полезной всюду теплотой 9.
Оно плоды произрастаетъ,
Богатыхъ съ скудными питаетъ
И всяку плоть живить собой:
Такъ ты героевъ награждаешь
И купно бѣднымъ помогаешь
Во воспитаньи оныхъ чадъ.
Торги, художества, науки,
За милости воздѣвши руки,
Тебя одну благодарятъ⁸⁰.

Оно обиліемъ лучей 10.
Ползущихъ тварей оживляетъ:
Твоя рука намъ поднимаетъ
Изъ пыли верженныхъ дѣтей.
На зданья зданья всѣ мемфисски
Тебѣ поставимъ въ обелиски,
Благодаренья малъ то знакъ:
Носили горы исполины,
А человѣка, взявъ изъ глины,
Одинъ лишъ Богъ содѣлалъ такъ.

Когда угрюмыхъ облакъ сонмъ 11.
Хотятъ лицо его покрыти,
Оно, дни ясны продолжити
Зажегши паръ, бросаетъ громъ:
Въ завидшихъ нашему покою
Побѣдоносною войною
Перунъ и ты пустила свой.
Уже пламеноносны стрѣлы
Ниспали въ вражески предѣлы,
Стѣснившись, какъ туманъ густой⁸¹.

⁸⁰ Тебя одну благодарятъ — Ср. Томъ I, стр. 147, примѣч. 34 къ *Фелицѣ*.

⁸¹ Послѣ этой строфы идутъ въ рукописи еще слѣдующія десять:

Но въ новыхъ звукахъ чтобъ побѣдъ 12.
Возвысить гласъ свой паче лиръ,
О Муза! пролетай въ эѳиръ,

Уже, какъ зыкъ въ лѣсахъ ловцовъ 12.
Еленицъ робкихъ ужасаетъ,
Срацынъ такъ слухъ одинъ сражаетъ,
Монархиня, твоихъ полковъ.
Доколь въ нихъ молніи летаютъ,
Они ужъ то въ триумфъ считаютъ,
Гдѣ если бѣгъ имъ жизнь спасетъ:
Господь твоей помощникъ волѣ.

Взираи триумфовъ прежнихъ слѣдъ,
Дабы, тѣмъ ты воображая,
Въ сей вѣсти радость умножая,
Громчай воскликнуть: съ нами Богъ!
Срацыны, знайте, покоряйтесь,
Что день, то грома дожидайтесь:
Сотремъ, сразимъ, вашъ свержемъ рогъ.

Сугубый жаръ мой духъ вознесъ; 13.
Я зрю съ востока въ сѣверъ хладный
Византски рыщутъ скимны гладны,
Но тутъ ихъ Россъ какъ сернь разнесъ.
Какъ только слухъ одинъ зарницы
Заслышатъ ноци хищны птицы,
Спѣшатъ, разсѣясь, по норахъ;
Такъ имемъ тутъ твоимъ единымъ,
Монархиня, въ бою взгласимымъ,
Средь фурій врагъ хребетъ намъ даль.

Гдѣ Порты злость на насъ? гдѣ ядъ? 14.
Гдѣ конники-тристаты яры?
Гдѣ злобой дышуци янчары?
Въ глазахъ ихъ огонь, средь сердца адъ;
Въ кинжалахъ молнію зрю скору,
Но въ Россъ каждомъ вижу гору:
Сперва стоитъ, недвижно ждетъ,
Потомъ несется, подавляетъ
И пыль лишь только оставляетъ
Вослѣдъ себя, гдѣ ихъ сотретъ.

Изъ зефра вихрь какъ ставъ крутящъ, 15.
Въ свирѣпствѣ бурномъ пролетая,
Матерый дубъ принагибая,
Къ себѣ его упорствъ незрящъ,
На кедръ, что твердостью гордится
И бытъ не преломимымъ мнится,
Напаль, подуль, — пошелъ лишь трескъ,
И лѣсъ, за нимъ стоящъ, свалился.
Ужъ вихоръ въ путь свой устремился
Явить еще гдѣ силы блескъ.

Не будетъ несть земля ихъ болѣ
И память съ шумомъ ихъ минетъ.

Но скопы жирныхъ, черныхъ тучъ
Какъ солнце жаромъ разрываетъ,
Желанный дождь всѣмъ проливаетъ,
Журчащихъ водъ сугубить ключъ:
Такъ ты всѣмъ мать равна буди.
Враги, монархиня, тѣ жъ люди:
Ударь еще и разжени,

13.

Изъ лона мирныхъ дней такъ Россъ,
Врагомъ ко мести принужденный,
Въ военну бурю устремленный,
Возсталъ, пошелъ, огонь понесъ,
Являя страшну всѣмъ судьбину,
Преклонну жизнь дарить Хотину,
Его себѣ покорность зрящъ;
Бендеры горды въ прахъ стрясаеъ;
Отъ страху Крымъ весь упадаеъ...
Летитъ еще, побѣдъ ищащъ.

16.

Еще ль, Силистрія, стоишь,
Когда за брегъ дунайскъ въ дорогу
Занесъ свою Румянцовъ ногу?
Еще ль, какъ ступить, не слетишь?
Не дай лишъ, небо, ты преграды,
Стамбульской ждемъ тотчасъ осады,
Сорвемъ верхи Вятарскихъ* горъ.
Не зрилось Росса гдѣ и вида,
Отъ Даго за столпы Алкида,
Его днесъ блещетъ мечъ и взоръ.

17.

Кто знаетъ Россовъ грудь и духъ,
Екатерины мудрость, твердость,
Не счель бы тотъ въ неимовѣрность,
На цѣлый свѣтъ пошли бь хотъ вдругъ!
Когда насъ правда вооружаетъ,
Когда насъ должность провождаетъ,
Любовь къ отечеству велитъ,
Когда мы вѣру защищаемъ
И Бога въ помощи взираемъ,
Такъ кто намъ свой поставитъ щитъ?

18.

Пернатый спутникъ грома стрѣль,
Не Зевсомъ, но Петромъ рожденныхъ,
Тобой, богиня, изошренныхъ,
Орель російскій возлетѣль,
Прострясь отъ ноши въ день крылами,
Паритъ Мраморы надъ морями,
Взираетъ добычи своей

19.

Но съ тѣмъ, чтобъ милость къ нимъ пролити,
Въ свое владѣнье покорити,
Какъ насъ, покоить ихъ въ сѣни⁸².

Какъ насъ всегда храня собой, 14.
Покроя орлими крылами,
Златыми осчастливя днями,
Весь міръ возвесели тобой;
Тобой борей зефиромъ будетъ,
Злодѣйство злобствовать забудеть,

И вдругъ, какъ плинѣ^{**} летящъ изъ пращи,
Спустившись съ визгомъ въ понть ярящій,
Онъ рветъ драконы средь зыбей.

Уже пронзень, окровавленъ, 20.
Когтьми растерзанъ какъ носами,
Прядовитыми зубами
Вотще къ защитѣ ополченъ,
Поддержанъ мочью надъ волнами,
Трясетъ и бездной и брегами
И съ ревомъ рвется отъ вреда;
Взнесень на землю, издыхаетъ,
Орель чудовище снѣдаетъ:
Се кости моетъ ужъ вода.

Къ брегамъ съ пучины флотъ враговъ 21.
Такъ снесъ, чрезъ страшныхъ жерлъ удары,
Въ моряхъ блистатель молній ярый,
По имю, по дѣламъ Орловъ.
Тутъ съ волнъ въ плеяды дымъ стѣснился,
Луцферъ какъ градъ летущъ ваился,
По искрамъ твердь и хлябъ текла;
Еще, еще чесменски волны,
Стенанья, заревъ грома полны,
Ревутъ въ насъ ***

* Не ошибка ли въ тетради, писанной дурнымъ писарскимъ почеркомъ и со многими невѣрностями?

** Плинѣ, или плинѣа, церк.-сл. (греч. πλίνθος) — кирпичъ.

*** Этотъ стихъ въ рукописи не разобранъ.

⁸² За этимъ въ рукописи слѣдуетъ строфа 17, послѣ которой читается:

На то ль, на то ль сей только свѣтъ, 25.
Чтобъ жили въ немъ рабы, тираны,
Другъ друга варварствомъ поправны,
Съ собою свой носили вредъ?
Ни тигры тигровъ не терзаютъ,
Ни львы на львовъ не нападаютъ,

Сокроетъ зависть ядъ въ себѣ;
Придутъ царіе вселенны,
Твоею славой восхищенны,
Учиться царствовать къ тебѣ⁸³.

Тогда ни врань на трупъ жить, 15.
Ни волки течь къ тѣламъ стадами
Не будутъ, насыщаясь нами,
За снѣдь царей благодарить:
Не будутъ жатвы поплѣненны,
Не будутъ села поपालенны,
Не прольетъ Пугачевъ кровей.
Твоя кротчайшая природа
Утѣшитъ всѣ страны народа,
Коль будетъ въ власти все твоей.

Ужель на сей одинъ конецъ 16.
Всѣ твари только и созданны,
Вели чтобъ брани непрестанны?
О Боже благъ, щедротъ Отець!
Не лзя ль изъ хаоса злосчастьевъ
Намъ свѣтъ Тебѣ содѣлать счастье
И слезы наши отереть?
Подай, да царствуетъ едина
Надъ свѣтомъ всѣмъ Екатерина:
Имъ долженъ тотъ, кто благъ, владѣть.

Ея и благъ и кротокъ духъ: 17.
Пришельцевъ сѣнью та покрыла,
Отъ казни винныхъ свободила,
Она намъ щитъ отъ сильныхъ рукъ:
Кого жъ, кромѣ ея, Содѣтель,
Твою прославить добродѣтель
Пошлешь къ исправѣ Ты людей ?
Удвой ей громъ, спасай вселенну,
Вездѣ отъ злобы утѣсенну,
И воцари ее надъ ней.

Себя губить лишъ человѣкъ:
Въ скудельной жизни брэнной
Онъ врагъ себѣ первостепенный,
Короткій свой коротитъ вѣкъ.

⁸³ Ср. Томъ I, стр. 288.

ХІІІ. ЭПИСТОЛА КЪ ГЕНЕРАЛУ МИХЕЛЬСОНУ НА ЗАЩИЩЕНІЕ КАЗАНИ⁸⁴.

⁸⁴ Эта *Эпистола* до сихъ поръ извѣстна была только по упоминанію о ней въ Словарѣ митрополита Евгенія; Она считалась потерянною; мы отыскали ее между бумагами Державина въ перебѣленномъ спискѣ собственной его руки; но это, очевидно, только начало, оставшееся безъ продолженія и притомъ далеко не отдѣланное. Рукопись, современная самому сочиненію эпistolы, отличается отъ всѣхъ другихъ тѣмъ, что на поляхъ каждыя пять стиховъ означены цифрами (5,10,15 и т. д.), а внизу страницъ отчеркнуто большое мѣсто для примѣчаній, изъ которыхъ впрочемъ только одно вписано (см. ниже прим. 5). Рукопись озаглавлена только словомъ *Эпистола*; мы дополнили заглавіе по выраженію Словаря Евгенія. Послѣ печатаемаго нами начала слѣдуетъ въ рукописяхъ еще черновая страница, написанная на особомъ листѣ; но такъ какъ на ней стихи еще только набросаны безъ всякой отдѣлки, отчасти даже не совсѣмъ разборчиво, то мы этой страницы не помѣщаемъ въ текстъ и приводимъ изъ нея здѣсь лишь нѣсколько стиховъ, чтобъ дать понятіе о содержаніи этого добавочнаго отрывка:

О строгій день судебъ и лютость тѣхъ часовъ!
Почто, о Боже, намъ твой гнѣвъ былъ столь суровъ?
Неужель предъ Тобой мы столько согрѣшили,
Благоутробія что бездны истожили?
.....
Ты любишь праведныхъ, ты грѣшнымъ терпѣливъ,
Ты всѣмъ намъ милостивъ, Отецъ и Покровитель:
Такъ можетъ ли то быть, чтобъ былъ намъ Ты жъ учитель?
Не Ты, но адское рожденіе то злобы.
.....
Но чѣмъ виновны здѣсь младенцы погубленны? —
Судьбы Твои отъ насъ, Всесильный, сокровенны!
.....
Изъ ада иль съ небесъ, но зло есть Пугачевъ!

Главныя обстоятельства бѣдствія и спасенія Казани были слѣдующія. Пугачевъ, ворвавшись въ городъ 12 іюля 1774 г., сжегъ среди грабежей и убійствъ большую половину его, но не могъ овладѣть хорошо-обороняемою крѣпостью, въ которой заключились городскія власти и множество жителей. Михельсонъ, преследуя Пугачева, не могъ достигнуть его до Казани, но подоспѣлъ къ ней ввечеру того же дня. Услышавъ о приближеніи войска, Пугачевъ встрѣтилъ его въ 7 верстахъ отъ города, близъ села Царицына, и здѣсь былъ совершенно разбитъ, что повторилось на другое утро на Арскомъ полѣ, а черезъ два дня опять около Царицына. Пугачевъ бросился вверхъ по Волгѣ; думали, что онъ пойдетъ на Москву; но у Кокшайска онъ переправился черезъ Волгу и обратился на югъ. Подробности событій, сопровождавшихъ разореніе Казани, можно найти въ *Краткомъ извѣстіи о злодѣйскихъ на Казань дѣйствіяхъ Емельки Пугачева*, составленномъ архимандритомъ Платономъ Любарскимъ и напечатанномъ Пушкинымъ въ *Приложеніяхъ къ Исторіи Пугачевского бунта*. Это — письмо Любарскаго къ Н. Н. Бантышъ-Каменскому; подлинникъ — въ государственномъ архивѣ. Ср.

1775.

Внемли здѣсь, Михельсонъ, стихи тоя ты музы,
Которой спасъ ты жизнь, съ которой снялъ ты узы.
Хоть лучше тебѣ хвалъ, что я тобой дышу⁸⁵,
Но въ благодарность я сіе къ тебѣ пишу,
Котору чувствую въ душѣ нелицемѣрной
За подвиги твои, за трудъ твой пребезмѣрной,
Опасность что презря, ты въ помощь намъ притекъ
И кремль⁸⁶ освободилъ кровавыхъ сильныхъ рѣкъ.
Казански жители, едиными устами,
Призвательны тебѣ и сердцемъ и душами: 10.
Не хочеть за животь кто свой благодарить,
Не стоитъ жизни тотъ, не долженъ въ свѣтѣ жить.

Пускай прахъ Бибиковъ возносится слезами⁸⁷:
При жизни какъ своей почтенъ онъ былъ хвалами,
Пускай составитъ псалмъ и днесъ ему не леть,

рассказъ самого Пушкина въ 7-й главѣ его книги. Извѣстіе о бѣдствіи родной Казани Державинъ получилъ 16 іюля 1774 года въ Саратовѣ, гдѣ онъ въ то время находился, бывъ командированъ въ окрестности его еще покойнымъ Бибиковымъ для принятія мѣръ къ поимкѣ Пугачева. Эпистола была написана уже по истребленіи Пугачева, вѣроятно, подъ конецъ 1774 или въ началѣ 1775 года, когда Державинъ жилъ въ Казани, вызванный туда начальникомъ секретныхъ комиссій, Павломъ Сергѣевичемъ Потемкинымъ (о которомъ см. ниже примѣч. 9).

Попытка Державина обработать въ поэтической формѣ эпизодъ изъ Пугачевщины тѣмъ болѣе замѣчательна, что она, сколько извѣстно, единственная въ своемъ родѣ и что поэтъ былъ очевидцемъ событій, изъ которыхъ имъ заимствованъ предметъ. Вниманія заслуживаетъ также намѣреніе почтить заслуги Михельсона, которому и до сихъ поръ еще не отдана полная справедливость. Иванъ Ивановичъ Михельсонъ былъ подполковникомъ, когда Бибиковъ поручилъ ему отдѣльный отрядъ для дѣйствій противъ Пугачева, съ которымъ онъ и имѣлъ болѣе 12-и удачныхъ сраженій и въ послѣднемъ окончательно уничтожилъ его силы (см. ниже прим. 10); послѣ казни Пугачева Михельсонъ получилъ собственноручный рескриптъ императрицы, чинъ полковника и другія награды. Впослѣдствіи (1788 г.) шведская война въ Финляндіи доставила генералу Михельсону случай къ новымъ подвигамъ. Въ турецкую войну, при императорѣ Александрѣ I, онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ, но умеръ уже 19 августа 1807 г. въ Бухарестѣ.

⁸⁵ Хоть лучше тебѣ хвалъ, что я тобой дышу — т. е. хотя для тебя лучше похвалъ то, что я тебѣ обязанъ жизнью. — Какъ Казанецъ, поэтъ воображаетъ, что онъ былъ въ родномъ городѣ во время нашествія Пугачева.

⁸⁶ Слово *кремль* у самого Державина написано какъ нарицательное имя, безъ большой буквы (Объ этомъ словѣ см. нашу замѣтку въ *Запискахъ Ак. Н.*, т. VI, кн. I).

⁸⁷ Пускай прахъ Бибиковъ возносится слезами. — Назначенный, послѣ Кара, главнокомандующимъ арміи для усмиренія Пугачева, Александръ Ильичъ Бибиковъ умеръ въ началѣ своихъ успѣшныхъ дѣйствій, на пути въ Оренбургъ. Смерть постигла его въ Бугульмѣ, 9 апрѣля 1774 года. Стихи Державина на его кончину см. выше стр. 298 и въ Томѣ I, стр. 16.

Объ употребленіи такихъ именъ, какъ *Бибиковъ*, въ видѣ прилагательныхъ см. Томъ II, стр. 464. Примѣръ подобнаго употребленія имени *Ломоносовъ* ср. также выше стр. 257.

Но искренность сама и истина и честь,
 Что былъ отечества онъ пламенный любитель,
 Что былъ монархинѣ онъ ревностный служитель,
 Что былъ министръ и вождь, судья, отецъ и другъ,
 Кому и вражескій былъ тайно преданъ духъ: 20.
 Его прибытьемъ здѣсь вострепетала злоба⁸⁸,
 Была что скрытая, мрачнѣ съ язвой гроба.
 Его единъ обратъ⁸⁹, его единъ здѣсь взглядъ
 Крамолу обуздалъ и обезсилилъ ядъ.
 Въ предѣлы буйности то тотчасъ разнеслося,
 Что воинство ему на хищниковъ далося⁹⁰.
 Онъ мѣры предпріялъ и вождевъ разрядилъ;
 Казалось, что тогда жъ онъ злобу побѣдилъ.
 Начало положилъ къ концу благополучну
 И кончилъ свою жизнь, съ побѣдой неразлучну. 30.
 Пускай ему сердца и души даютъ дань,
 И помнитъ вздохами, съ пролитьемъ слезъ, Казань.
 Утрату чувствуетъ вся въ немъ пускай Россія;
 Достоинъ Бибииковъ есть жертвы таковыя.
 Пускай Голицыну⁹¹ въ искусствѣ и трудѣ
 По правдѣ похвалы разносятся вездѣ:
 Сквозь степи, снѣгъ, прошелъ бураны онъ безбѣдно
 И войско сохранилъ въ опасностяхъ безвредно.
 Удачный зѣльный бунтъ какъ души всѣхъ мутиль,
 Скрывался въ пеплѣ огонь, онъ войновъ укрѣпилъ. 40.
 Колеблень всякъ тогда противъ врага былъ злова,
 Онъ первый опровергъ въ укрѣпахъ Пугачова;
 Измѣнникамъ далъ страхъ, отвагу намъ вперилъ,
 Карать безъ робости продерзость ободрилъ;
 Поставилъ свою грудь впередъ въ смущенномъ боѣ :
 Такое рвеніе любезно есть въ героѣ!

⁸⁸ «Въ 1773 году въ ноябрѣ мѣсяцѣ и декабря въ первыхъ числахъ Казань была въ великомъ страхѣ и колебаніи отъ самозванцевыхъ партій. Прибытіемъ покойнаго Александра Ильича все сіе и разсѣваемые плевелы въ народѣ обуздались. Одна его особа устрасала бунтовщиковъ, въ 60 верстахъ разъязжающихъ уже отъ Казани». Д.

⁸⁹ *Обратъ* вм. оборотъ.

⁹⁰ Что воинство ему на хищниковъ далося — т. е. что ему дано было войско ...

⁹¹ Князь Петръ Михайловичъ Голицынъ, генераль-маіоръ, которому поручено было очистить край къ сторонѣ Оренбурга, одержалъ 23 марта 1774 года при крѣпости Татищевой, на Яикѣ, первую побѣду надъ Пугачевымъ. И во все время бунта Голицынъ дѣйствовалъ съ отличіемъ; онъ очень цѣнилъ Державина и впослѣдствіи старался защититъ его отъ гнѣва графа П. И. Панина. Въ самый годъ казни Пугачева (1775) и князь Голицынъ несчастно кончилъ жизнь: онъ былъ убитъ на дуэли Шепелевымъ, впослѣдствіи женатымъ на одной изъ племянницъ Потемкина (ср. Томъ I, стр. 228), который будто-бы и устроилъ этотъ поединокъ изъ зависти къ Голицыну, обратившему на себя вниманіе Екатерины II.

Онъ доблій будетъ вождь, то трудъ его звучить,
 И зависть, въ немъ узрѣвъ надежду, замолчить.
 Пускай отечества защитники и вѣры,
 Возстать противъ кого дерзали изувѣры, 50.
 За церковь, за себя, за скипетръ и за честь,
 Являли буйству ихъ, гдѣ должно было, мечь;
 Пускай изверговъ тьма есть, ими побѣжденныхъ,
 И болѣе сто разъ избавленныхъ, спасенныхъ.
 Пускай Потемкинъ⁹² кремль чрезъ нѣсколько часовъ
 Труднѣе удержалъ, какъ въ нѣсколько годовъ,
 Разсудкомъ, бодростью, проворствомъ и словами
 Воздвигнулъ къ мужеству отчаянныхъ душами,
 Зло вкрадшееся пресѣкъ, пожаръ не попустилъ
 И ветхость себѣ стѣнъ на память защитилъ 60.
 (Едва ль, я думаю, Казань бы то терпѣла,
 Когда бы ранѣе Потемкина имѣла).

⁹² Екатерина, послѣ смерти Бибикова, назначила главнокомандующимъ князя Ѳедора Ѳедоровича Щербатова; но не поручила ему секретныхъ розыскныхъ комиссій, казанской и оренбургской, которыя также были въ вѣдѣніи покойнаго. Вскорѣ она поставила надъ ними особаго начальника; это былъ молодой генераль-маіоръ Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ, троюродный братъ знаменитаго временщика, обратившій на себя вниманіе въ турецкую войну, только теперь кончавшуюся. Впослѣдствіи онъ возведенъ былъ въ графское достоинство. Получивъ образованіе въ московскомъ университетѣ, П. С. Потемкинъ занимался литературой, сочинялъ и переводилъ (см. Словарь Евгенія) и между прочимъ составилъ исторію Пугачева, надъ которымъ онъ, по окончаніи бунта, производилъ слѣдствіе вмѣстѣ съ московскимъ градоначальникомъ, княземъ М. Н. Волконскимъ; трудъ этотъ остался неизданнымъ. Внезапная смерть Потемкина, 29 марта 1796 г., до сихъ поръ покрыта тайною: ее приписываютъ извѣстному Шешковскому, съ которымъ онъ видѣлся передъ самымъ концомъ своимъ. — По новой должности своей Потемкинъ прибылъ въ Казань въ ночь на 8-е іюля 1774, слѣдовательно за четыре дня до нападенія Пугачева, и принялъ начальство надъ имѣвшимися тамъ армейскими командами. 12-го числа онъ, съ отрядомъ изъ 400 человекъ и двумя пушками, вышелъ на встрѣчу мятежниковъ, но не могъ помѣшать ихъ вторженію въ городъ и едва успѣлъ, съ большею частью своего отряда, укрыться въ кремль, гдѣ и оставался до слѣдующаго утра, когда Михельсонъ, разбивъ злодѣя, при разсвѣтѣ пришелъ на Арское поле и далъ знать казанскимъ начальникамъ о своемъ приближеніи. Здѣсь Потемкинъ, по словамъ Михельсонова донесенія, «своимъ присутствіемъ былъ свидѣтель вторичной побѣды надъ Пугачевымъ». Потемкинъ съ своей стороны писалъ императрицѣ, что Михельсонъ, по его повелѣнію, въ 9 часовъ утра пошелъ на встрѣчу Пугачева, который, вслѣдствіе полученнаго подкрѣпленія имѣя болѣе 15 т. человекъ, намѣренъ былъ въ слѣдующую ночь напасть на Казань. Въ 7-и верстахъ отъ города началось сраженіе. Потемкинъ изъ кремля отрядилъ къ Михельсону 200 человекъ пѣхоты, но войско принуждено было отступить. Однакожъ Михельсонъ поправилъ эту неудачу, и наконецъ мятежники бѣжали, потерявъ 12 пушекъ и болѣе 4 т. плѣнными (Изъ дѣлъ государственнаго архива).

Съ подчиненіемъ Потемкину секретныхъ комиссій Державинъ получалъ новаго начальника, съ которымъ вскорѣ и началась у него дѣятельная переписка. Письма къ нему П. С. Потемкина, почти всегда собственноручныя, иногда съ французскими приписками*, показываютъ особенную довѣренность и благосклонность къ Державину.

* Потемкинъ, еще не зная Державина лично, считалъ его, какъ гвардейскаго офицера, человекомъ свѣтски образованнымъ.

Пусть Панину⁹³ вѣнецъ и блескъ и звукъ и честь —
 И, можно чѣмъ еще заслуги превознестъ,
 Военный трубный гласъ и сладки лирны струны
 Согласьемъ заглушатъ и громы и перуны.
 Пускай ему триумфъ, восторгъ и торжество
 И сыплетъ русское щедроты божество:
 Онъ душу ревностну, въ отечество влюбленну,
 Имѣя жалостью и мужествомъ вспаленну, 70.
 Пожарскій какъ Москву избавить шель отъ бѣдъ,
 Такъ онъ пошелъ съ Москвы низвергнуть русскій вредъ:
 Ни лѣта, ни труды, ни лавровы сѣдины
 Сдержати не могли геройскія стремнины;
 Познало тотчасъ зло наложенный яремъ,
 Бросалось по степямъ въ отчаянны своемъ;
 Попранно, сверженно, желало укрываться;
 Но можетъ ли когда гдѣ зло не наказаться?
 Судьбина какъ на насъ свирѣпа ни была,
 Но Панину сама ехидну привела. 80.
 Любовь къ отечеству и сердца добродѣтель
 Вѣнчаетъ завсегда успѣхами Содѣтель.
 Заразу что извлекъ, мятежи укротилъ
 И прежнее онъ намъ спокойство возвратилъ,
 Пускай признательна вся въ томъ ему вселенна;
 Но жизнь мнѣ, Михельсонъ, тобою защищенна!
 Тобою нашъ спасенъ оставшій рухлый градъ —
 Отъ самыхъ тартарскихъ ты возвратилъ насъ вратъ.
 Что видимъ еще свѣтъ и солнце лучезарно,
 Все общество за то тебѣ здѣсь благодарно. 90.
 Тебѣ, приспѣвшему известъ изъ бѣдства насъ,
 Признательный здѣсь всѣхъ сораздается гласъ.
 Тебѣ то навсегда служити будетъ къ чести;
 Правда здѣсь хвала, тебѣ не надо лести.

⁹³ Когда, послѣ разграбленія Казани, Екатерина увидѣла необходимость болѣе энергическихъ мѣръ противъ Пугачева, то она, вызвавъ Щербатова въ Петербургъ, избрала на мѣсто его въ главнокомандующіе графа Петра Ивановича Панина и 29-го іюля подписала, въ Петергофѣ, указъ о его назначеніи. Принятая имъ строгія мѣры, нагнавъ страхъ на мятежниковъ, конечно способствовали къ прекращенію безпокойствъ; но окончательныя пораженія Пугачева и поимка его произошли совершенно независимо отъ Панина, благодаря энергіи, съ какою Михельсонъ шель по пятамъ злодѣя: 25 августа Пугачевъ былъ на голову разбитъ имъ при Черномъ Ярѣ, а 15 сентября выданъ казаками. Извѣстно, что Панинъ не сошелся съ Державинымъ (см. статью нашу *Державинъ и графъ Петръ Панинъ въ С-петербургскихъ Вѣдом.* 1863 г. № 209 и 210); тѣмъ замѣчательнѣе то уваженіе, съ какимъ поэтъ отзывается о немъ въ этихъ стихахъ, писанныхъ послѣ непріятной для обоихъ встрѣчи въ Симбирскѣ.

Хотя въ исторіи дѣла твои и трудъ
 Потомки поздные увидятъ и прочтутъ;
 Хотя извѣстно всѣмъ то будетъ непремѣнно,
 Емельку что ты гналъ вездѣ неутомленно;
 Уралы дикіе, вертепы страшныхъ горъ,
 Природы ужасомъ гдѣ содрогаетъ взоръ, 100.
 Черезъ рѣки, черезъ лѣса, черезъ степи, черезъ крутины,
 Съ сибирскихъ почти странъ до донскія стремнины,
 Прошелъ — и поражалъ бѣгущихъ сопостатъ
 И хищника разбилъ — ты знаешь, сколько кратъ!
 Тебѣ извѣстны всѣ лишь, всѣ твои побѣды, —
 Я мыслію своей теряю твои слѣды!
 Я въ повѣстяхъ тебя со всѣхъ вижу сторонъ,
 И все мнѣ говоритъ, вездѣ мнѣ: Михельсонъ!
 Исторія хотя твой трудъ превознесетъ,
 И сбытность твоихъ дѣлъ по свѣту распростретъ; 110.
 Но стихотворство здѣсь изобразить живѣй,
 Что должно намъ сказать ввѣкъ къ памяти твоей.
 Какое Михельсонъ тобой намъ зло сраженно!
 Воззри на зрѣлище, тобою прекращенно!

Въ день ярыхъ намъ небесъ, за грѣхъ какъ насъ казнить
 Всевышній захотѣлъ тирана допустить,
 Когда мы древнему Египту соравнялись,
 Что тварью, такъ какъ онъ, презрѣнной покарались,
 Едва лишь солнце свой простерло міру взглядъ, — 120.
 Багровый лучъ изъ мглы низвергнулся на градъ,
 Зардѣлось зданіе блистающе въ вершинѣ;
 Что пламенной оно готовилось кончинѣ,
 Скрывали облака кровавы — небеса;
 Что смертная идетъ пожати насъ коса.
 Начальники хоть влить старались кровь рьяну,
 Народъ унылому былъ сходенъ Окіяну,
 Который недвижимъ предъ бурею стоитъ,
 Какъ будто чувствуетъ, что вихрь ему грозитъ.
 Явленіе Сиренъ невѣждамъ штурмъ вѣщаетъ:
 Здѣсь имя царское безумцевъ возмущаетъ, 130.
 Бѣснуетъ ядъ сердца и развращаетъ умъ.
 Межъ тѣмъ ужъ слышится по стогнамъ накровь⁹⁴ шумъ,

⁹⁴ Накра, стар., бубны. Ср. во второй пѣсни поэмы *Петръ Великій* (Соч. Лом., т. I, стр. 353):

«При накрахъ движутъ духъ свирѣли, барабаны».

Вообще *Эпистола* носить слѣды вліянія этой поэмы на Державина; отсюда и употребленіе слова *крови*

Тревожный гласъ и вопль по улицамъ несется:
 Идетъ злодѣй на градъ! слухъ въ градъ раздается.
 Стремятся ратники на стрѣльницы на брань,
 Несутъ монархинѣ и долгу жизни въ дань.
 Потемкинъ, сердце, духъ имѣя и проворство,
 Хотѣлъ чудовище воззвать въ единоборство⁹⁵,
 Иль славно умереть, иль славно побѣдить;
 Но былъ ему совѣтъ соблазна не чинить. 140.
 Однако онъ, презря, что съ страшной врагъ толпою,
 Не съ тысячею пошелъ, — съ отважною душою.
 Довольно мужества, но мало силъ имѣлъ,
 Лишь тѣмъ нахальнаго врага не одолѣлъ,
 Который, такъ какъ вѣтръ ярящися дышащій,
 Бурливый, мещущій, крутящися визжащій,
 Хотѣлъ насъ поломить, но былъ вездѣ отпоръ:
 Стенали ревомъ жерль твердыни тяжкихъ горъ;
 Горюче зелье страхъ и мракъ и смерть бросало
 И бездны дальнія ударомъ потрясало; 150.
 Носился вихрями ревущихъ ядеръ градъ.
 Ужъ скверныхъ скопищъ вождь хотѣлъ идти назадъ;
 Но знать, что божество, что было раздраженно,
 Хотѣло насъ казнить конечно непремѣнно.
 Тогда кромѣшный духъ подгнелъ⁹⁶ мятежа ядъ —
 Измѣной подлыхъ душъ тогда отверзся градъ.
 Тогда бичъ здѣшнихъ странъ, преемникъ Гришки, Смерда⁹⁷,
 Соотчичъ Разина, разбойника злосерда,
 Свирѣпый, злобный тигръ, рыкающій на ловъ,
 Какъ сонмы многихъ водъ, вломился Пугачовъ. 160.
 Грубѣйшая толпа, разжженна изувѣрствомъ,
 Прельщенна кознями, грабительствомъ и звѣрствомъ,
 Какъ волки хищные, порыскали на трупъ
 И къ стрѣльницамъ на тылъ направили приступъ,
 Ударили на сломъ; тутъ должно обращаться
 И спреди и сзади, намъ съ тысячами сражаться.
 Падутъ измѣнники и извергають духъ, —
 Однако на штыки толпами лѣзутъ вдругъ;
 Сугубу въ сердцѣ желчь и ненависть имѣя,
 Открыту наглу грудь нимало не жалѣя, 170.

во множ. числѣ, которое впрочемъ и въ другихъ мѣстахъ нерѣдко встрѣчается у обоихъ поэтовъ.

⁹⁵ Хотѣлъ чудовище воззвать въ единоборство. — Весьма любопытный фактъ, неизвѣстный изъ историческихъ свидѣтельствъ, но вѣроятно слышанный Державинымъ отъ самого Потемкина.

⁹⁶ Подгнелъ, неправильно, вм. подгнѣтилъ отъ подгнѣтитъ, подгнѣщать; ср. выше стр. 267.

⁹⁷ Смердъ, т. е. Смердись, извѣстный въ древней персидской исторіи самозванецъ.

Бѣгутъ свирѣпые, кровями блещетъ взглядъ,
 И всякій умереть за самозванца радъ.
 Гдѣ слыхана когда такая злоба рьяна,
 Чтобъ звѣри дикіе дрались за ихъ тирана?
 Не звѣрь здѣсь, — человѣкъ, но злѣе онъ звѣрей:
 На брата идетъ братъ, отецъ противъ дѣтей.
 Любовь монархини и мать въ ней забывая,
 За варвара животъ и душу полагая,
 Не мыслятъ ни о чемъ, бросаются на строй,
 Но мужество, не зря на трудъ и подвигъ свой, 180.
 Еще тутъ лютость разъ и ярость низлагало.
 Взвертѣль тогда тутъ змѣй свое въ гортани жало:
 Нельзя предательству усердія попать, —
 Велѣль предмѣстіе пожару пожирать.
 Возгнелся⁹⁸ всюды огонь и городъ воздымился,
 Поддневный красный блескъ въ полунощъ премѣнился.
 По мракамъ густость искръ, какъ огненна рѣка,
 Поднявшись отъ земли, простерлась въ облака.
 Свирѣпый, страшный вихрь, верхи съ домовъ хватая
 И клубы пламенны чрезъ поприщи бросая, 190.
 Вія съ углями прахъ, несетъ, курить и мчитъ
 И дальни зданія завѣтрить и палить.
 Тамъ грохотъ, трескъ и стукъ, гдѣ пламя прорѣваетъ,
 Здѣсь мгла и пыль и шумъ, гдѣ буря воздуваетъ;
 Тамъ сѣрный сильный зной, здѣсь смольный страшный жаръ;
 Паденія высотъ тамъ слышится ударъ,
 Здѣсь углы храмины вмигъ рушащимися зрятся,
 Торжественны врата тамъ въ пепелъ свой валятся,
 Тамъ церкви Божіи стихія не щадить:
 Прекрасный городъ весь во пламени стоитъ! 200.

Не можно стало намъ съ огнемъ, съ врагомъ, съ вихрями,
 Съ измѣной, злобой вдругъ сражаться и съ судьбами:
 Оттертъ сталъ сонмъ гражданъ тутъ въ отступъ отъ бойницъ;
 Но блещетъ еще мечъ, сколь можетъ, ихъ десницъ;
 Хотя идутъ впередъ, хоть стануть, хоть отходятъ, —
 Вездѣ зубами смерть въ свой слѣдъ скрежащу водятъ;
 Средь искръ, средь пуль, средь стрѣль, средь копій, средь мечей,
 Еще мужаются, еще душой своей.
 Одинъ, въ опасности отвсюды окруженный,
 Разить премножество, но самъ лежитъ сраженный; 210.
 Другой, чтобъ защититъ врата, отважно сталъ,

⁹⁸ Возгнелся, ср. выше прим. 13.

Но, въ чрево прободень, на чрево мертвь упаль.
 Се здѣсь, пробившись самъ, но спастъ рабовъ желаетъ,
 Бросается и чуть животъ не скончеваеть;
 Се тамъ, отставъ отъ всѣхъ, одинъ стоитъ въ бою,
 Но долженъ послѣ жизнь чрезъ стѣны несть свою.
 Тотъ воинъ, что Пруссакъ и Турокъ не страшился, —
 Въ разсѣяньи сквозь вратъ далече простремился;
 Тотъ бранникъ на бояхъ, что Персъ и Шведъ бивальъ,
 Измѣнникомъ сраженъ, какъ сельный злакъ увяльъ; 220.
 Тотъ всадникъ, что въ степяхъ какъ быстрый вихрь носился,
 Пущеннымъ на него металломъ обагрися;
 Тотъ конникъ, что мечемъ какъ молнія блисталъ,
 Усѣченъ во главу, стремглавъ на пыль упаль.
 Тѣ музы кроткія, тѣ музы тиха свойства,
 Едва что терпятъ звукъ и истинна геройства,
 За честь Минервину съ оружіемъ стоятъ,
 Начальника въ кровяхъ поверженнаго зрятъ⁹⁹.
 Тѣ общества щиты, подпора царска трона,
 Непотрясаема твердыни оборона, 230.
 Какъ прежде прорекли, и душу и животъ
 Слагали съ рвеніемъ за мать своихъ щедротъ.
 То вождь несчастнѣйшій, что вѣнчанъ сѣдиною,
 Приаму жалкому подобень былъ судьбою.

Но должно поспѣшать спасти кремлевъ оплотъ.
 Гдѣ полчища стеклись вблизи уже воротъ,
 Тутъ надобно опять отважиться, мужаться,
 Сквозь тысячъ одному, коль можно, пробираться.
 Азіяцы изъ луковъ пустили тучу стрѣльъ;
 Потемкинъ, то не зря, насъ прямо къ онимъ вельъ. 240.
 Лежалъ въ пути намъ мость, тутъ тьмой толпы спирались;
 Ударили мы въ нихъ и грудью продирались,
 Встрѣчали на штыки, свергали стами въ ровъ;
 Но много тутъ и насъ побито отъ враговъ.
 У самыхъ вратъ кремля, подъ самыми стѣнами
 Покрыта мертвыми земля была тѣлами.
 Однако, презря все и ядръ, что сыпаль, дождь,
 Пробился и провелъ сквозь все нашъ храбрый вождь;
 Но кажется и тутъ, что стѣны возопили,
 Почто и въ крайности, коль живы, отступили. 250.

⁹⁹ Начальника въ кровяхъ поверженнаго зрятъ. — Подъ музами Державинъ здѣсь разумѣетъ самого себя, а подъ начальникомъ Бибикова, который погыбъ среди кровопролитія («въ кровяхъ»). Въ послѣднихъ стихахъ этого отдѣла поэтъ сравниваетъ его съ Приамомъ въ томъ смыслѣ, что оба погибли въ борьбѣ за отечество.

Какое, Михельсонъ, тутъ звѣрство началось,
 Когда все воинство въ засаду вобралось;
 Какая Фурія, наполненная злобы,
 Пришла терзать Казань изъ адскія утробы!
 Не зря, тебѣ того нельзя вообразить;
 Я, видѣвъ, развѣ тѣнь могу лишь изразить.
 Отъ вѣка самага что злость ни вымышляла,
 Въ суровости большой то все здѣсь показала:
 Хищеніе богатствъ, грабленіе домовъ,
 Руганіе церквей, попанье алтаревъ, 260.
 Разбой монастырей, татба одеждъ священныхъ,
 Нещада утварей, престолу посвященныхъ,
 Ристаніе на всѣхъ, рыканіе и искъ,
 Прекровожаждущій на благородныхъ рыскъ¹⁰⁰.
 Тиранство, варварство, мученьевъ разны роды,
 Что въ кровопивствѣ есть въ зазоръ и стыдъ природы,
 Убивство, пагуба, терзанье по частямъ, —
 Здѣсь все представилось, о Михельсонъ, то намъ!
 То все съ несчастными съ высотъ кремля мы зрѣли,
 Которы въ кремль войти въ защиту не успѣли. 270.

.....

¹⁰⁰ ... на благородныхъ рыскъ. — Извѣстно, что господствующею чертою Пугачевщины было ожесточенное преслѣдованіе и истребленіе дворянъ. Нынѣ уже забытое слово *рыскъ* значило: бѣганье, бѣготня. Державинъ употребилъ его однажды и въ прозѣ, въ донесеніи объ ужасахъ Пугачевщины. Ср. у Ломоносова, въ 1-й пѣсни поэмы *Петръ Великій* (т. I, стр. 324):

«Для убіенія не нуженъ былъ въ нихъ искъ:
 На сродниковъ моихъ направленъ былъ ихъ рыскъ».

XIV. МОЛИТВА¹⁰¹

1775.

Кто можетъ, Господи, Твои уставы знать?
Предѣль Твоихъ судебъ кто можетъ испытать?
Котора буйна тварь столь въ мысляхъ вознесетъ,
Что твердость никогда ея не потрясется?
Кто скажетъ мнѣ: богатъ я, знатенъ я, высокъ ?
Единъ, всеильный Царь, Ты держишь смертныхъ рокъ;
Ты участи людей какъ коло обращаешь,
Свергаешь долу Ты, Ты вверхъ ихъ восхищаешь;
И небо и земля, и воздухъ и моря,
И сердце и судьбы въ Твоихъ рукахъ, Царя. 10.
Какъ быстры воды Ты въ насъ мысли устремляешь,
Ты берегъ водамъ, конецъ дѣламъ опредѣляешь.
Чего не приходило на сердце и на умъ,
О томъ теперъ молва, гласъ, звуки, слава, шумъ;
Которая звѣзда свѣтлѣ всѣхъ блистала,
Незрима та теперъ и непримѣтна стала.
Средь лона счастья герой фарсальской брани
Убить и, распротря побѣдоносны длани,
Лежить въ крови своей отъ искреннихъ своихъ ...
Какъ, Господи, узнать предѣль судебъ Твоихъ? 20.
Когда я паче всѣхъ дней жити еще льщуся,
То, можетъ быть, въ тотъ мигъ я въ смертный ровъ валюся;
Когда я, думаю, надъ всѣмъ превознесенъ,
То, можетъ быть, стремглавъ летѣть я осужденъ.
Надменный въ гордости, коль мудрствую я паче,
Не для того ль, о томъ раскаяться чтобъ въ плачѣ?
Когда жъ трясусь и зрю, что смерть моя близка, —
Меня Всесильнаго всеильная рука
Изъ тартара, когда не чаю, восхищаетъ.
Твоя власть, Господи, изъ мертвыхъ воскрешаетъ: 30.
Отчаяваться грѣхъ, надежды вѣрной нѣтъ.
Такъ Ты, о Боже мой! и жизнь моя и свѣтъ;
Въ восторгѣ радостномъ и мысли восхищенной

¹⁰¹ Въ рукописи эти стихи слѣдуютъ за одою *На день рожденія ея величества*, въ той же тетради и писаны той же писарской рукой. Тамъ они безъ заглавія.

Помощника Тебя я вижу всей вселенной,
На Тя единого мнѣ должно уповать,
И безъ меня Ты мнѣ возможешь счастье дать,
Начала своего я, ни конца не вижу:
Пекусь коль о себѣ, я тѣмъ Тебя обижу!

XV. НА СТАТУЮ ПЕТРА ВЕЛИКАГО¹⁰².

1775.

Се тотъ герой, Орла который просвѣтилъ^a,
Внѣ Солнце, Льва, Луну, — внутрь Гидру побѣдилъ;

¹⁰² Подобныхъ надписей въ честь Петра I находится нѣсколько у Ломоносова (*Соч. его*, Смирд. изд., т. I, стр. 231) и у Сумарокова (*Соч. его*, Новик. изд., ч. I, стр. 265). Здѣсь должно разумѣть конную статую Петра, съ которою находятся въ связи и два стихотворенія, напечатанныя нами въ I-мъ Томѣ, стр. 29 и 37. Для сооруженія этого памятника вызванъ былъ въ 1766 году французскій скульпторъ и писатель Фалконетъ (род. 1716, ум. 1791). Черезъ три года модель была готова. Гранитный камень, назначенный въ подножіе, привезли изъ Лахты въ 1770 году; къ сожалѣнію, художникъ уменьшилъ его первоначальные размѣры. Голову всадника изваяла пріѣхавшая съ Фалконетомъ дѣвица Колло (Collot). Къ литью статуи приступили въ 1775 году, но тогда это не удалось; окончательно отлита она 4 іюля 1777. Фалконетъ, по нѣкоторымъ непріятностямъ, принужденъ былъ оставить Россію уже въ 1778. Открытіе памятника послѣдовало 7 августа 1782 (И. Бакменстера *Историческое извѣстіе о изваянномъ конномъ изображеніи Петра В.*, переводъ Н. Карандашова*; ср. *Russ. Bibliothek*, т. IV, стр. 160). Извѣстная надпись на этомъ монументѣ: *Петру первому Екатерина вторая* принадлежитъ Сумарокову (см. *Соч. его*, ч. I, стр. 269; ср. *Другъ просвѣщенія* за май 1804 г., ч. II, стр. 153).

Второй стихъ ср. со стихомъ надписи Сумарокова (*Соч. его*, ч. I, стр. 268):

«Петръ внутреннихъ враговъ и внѣшнихъ побѣдилъ».

* Питомца академической гимназіи, см. *Матеріалы для біографіи Ломоносова*, собр. Билярскимъ.

Солнце означаетъ Персію, *Левъ* — Швецію, *Луна* — Турцію; *Гидра* — революцію (ср. Томъ I, стр. 645, и Томъ II, стр. 346).

Настоящія стихи Державина напечатаны въ *С-петерб. Вѣстникъ* 1779 г., ч. III, стр. 108.

Изъ рукописи 1776 года заимствуемъ первоначальную, довольно любопытную редакцію измѣненныхъ впослѣдствіи стиховъ этой надписи (начиная съ 3-го стиха):

Темису посадилъ средь августѣйша трона;
Намѣстникъ Марса былъ, Нептуна, Аполлона:
Минервою водимъ, учившись училъ;
Подъемя рабій зракъ, — подвластвуя, дарилъ;
Пресѣкъ самъ ропотъ тѣхъ, что санъ даетъ природа,
Великостью своей что былъ монархъ народа.
Отечества отецъ, во множествѣ чудесь,
Собой себя, сей градъ, страну сію вознесъ.
Безсмертіе дала дѣламъ его судьбина,
А видъ сей въ вѣчный знакъ внесла Екатерина,
Предбудущій чтобъ міръ, благоговѣя, зрѣлъ.
Се Петръ, речеть она: се образъ моихъ дѣлъ.

Водимъ премудростью, — былъ вождь, законодатель,
Строитель, плаватель, работникъ, обладатель^б.
Екатерина, — Россъ чтобъ зря благоговѣль, —
Воздвигла зракъ его. Ея сей образъ дѣль.

^а ... Орла что свѣтомъ озарилъ,
Кто Солнце, Льва, Луну, кто Гидру усмирилъ;
....., онъ былъ законодатель (1779).

^б Екатерина здѣсь, — чтобъ Россъ благоговѣль, —
Воздвигла зракъ Петровъ; се образъ ея дѣль.

XVI. НА ИЗОБРАЖЕНІЕ ПЕТРА ВЕЛИКАГО¹⁰³

1775.

Кого блистающа я вижу средь лучей^a ?
Не Марсь ли? Аполлонъ, Эрміи, иль богъ морей?
Ликурга ль образъ сей, Алкида ль иредставляетъ ? —
Великаго Петра, — мнѣ Клія отвѣчаетъ.

^a Се кое божество блистаетъ средь лучей?
Кто — Марсь иль Аполлонъ, Эрміи иль богъ морей? (1779).

XVII. НА ТАКОЕ ЖЕ ИЗОБРАЖЕНІЕ¹⁰⁴

Богъ рѣдко, чудеса творя,
Подобныхъ въ свѣтъ мужей являетъ;
Создавъ Великаго Петра,
Понынѣ отдыхаетъ.

XVIII. НА ГРОБЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО¹⁰⁵.

Священный прахъ Петровъ въ семь гробъ почиваетъ.
Надъ онымъ Ангель^a тотъ крылами помаваетъ,
Который тронъ его, сей градъ его хранить.
Благоговѣй, монархъ! здѣсь твой учитель спитъ.

^a . . . Геній тотъ . . . (1779).

¹⁰³ Въ рукописи 1776 года заглавіе этой надписи: *На ту же статую*; тамъ первые два стиха записаны такъ:

Который это богъ? божественъ видъ сей чей?
Кто — Марсь иль Аполлонъ? иль это богъ морей?

Напеч. въ *С-петерб. Вѣстникъ* 1779, ч. III, стр. 108.

¹⁰⁴ Время сочиненія этой надписи въ точности неизвѣстно; она помѣщается здѣсь по связи ея съ предыдущею.

¹⁰⁵ Напечатано въ *С-петерб. Вѣстникъ* 1779 г., ч. III, стр. 108

ХІХ. НА БОЛТУНА¹⁰⁶.

1775.

Не спить, не ѣсть, не пьеть, и день и ночь хлопочеть,
Ворчить, шумить, кричить, — казаться умнымъ^а хочеть;
Нѣтъ дѣла ни на грошъ, — но велерѣчивъ онъ.
Свинцовый колоколъ даетъ такой же звонъ.

^а ... дѣльнымъ ... (Рукоп. 1790-хъ годовъ).

ХХ. НА ОТКРЫТІЕ НАМѢСТНИЧЕСТВЪ¹⁰⁷

1776.

Начто^а намѣстники тебѣ всякъ ставятъ тронъ ?
Престоль тебѣ весь міръ чрезъ мудрый твой законъ.
Почто тебѣ они возносятъobelisksи?
Въ сердцахъ твойobeliskъ превысилъ всѣ мемфиски¹⁰⁸;
Безъ храмовъ, безъ статуй, сквозь тьму грядущихъ вѣковъ
Вселенна обожать мать будетъ человѣковъ.

^а Почто . . .

¹⁰⁶ Первоначальная, почти точно такая же редакція найдена нами на черновомъ листѣ, относящемся къ 70-мъ годамъ. Годъ сочиненія означенъ на одномъ изъ списковъ. Эта эпиграмма печатается здѣсь въ первый разъ (по рукописи *Часть VII*).

¹⁰⁷ Вслѣдствіе учрежденія о губерніяхъ, изданнаго 7 ноября 1775 года. Первый стихъ должно разумѣть такъ: Зачѣмъ каждый изъ намѣстниковъ ставитъ тебѣ тронъ? Ср. Томъ I, стр. 249, стихи оды *На Счастіе*:

«На пышныхъ карточныхъ престолахъ Сидятъ мишурные цари»

и примѣчаніе къ нимъ.

Напеч. въ *С-петерб. Вѣстникъ* 1779, ч. III, стр. 112.

¹⁰⁸ Въ сердцахъ твойobeliskъ превысилъ всѣ мемфиски. — Окрестности древняго египетскаго города Мемфиса (близъ нынѣшняго Каира) богаты были собственно неobelisksами, а пирамидами. Ср. выше, стр. 305, два стиха въ 10-й строфѣ оды *На день рожденія ея величества*.